

Тата Алатова

Все как в жизни, только лучше!

18+

Люся,
катарая
всех десиля

Любовный роман с хеппи-эндом

Тата Алатова

Люся, которая всех бесила

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алатова Т.

Люся, которая всех бесила / Т. Алатова — «Издательство АСТ»,
2024 — (Любовный роман с хеппи-эндом)

ISBN 978-5-17-155688-4

Павел считал, что Люся испортила ему жизнь. Она была уверена, что он легко отделался. Он твердо планировал держаться от нее как можно дальше. Она не собиралась давать ему такой шанс. Кто больше причинит другому неприятностей? И как продолжать воевать друг с другом, если каждое утро вы завтракаете вместе?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-155688-4

© Алатова Т., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	42
Глава 8	49
Глава 9	54
Глава 10	61
Глава 11	67
Глава 12	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Тата Алатова
Люся, которая всех бесила
Роман

* * *

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Т. Алатова, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1

– Люсь, а Люсь?

– М-м?

– А как ты думаешь, Ван Со встретится с Хэ Су в следующей жизни?

– Кто? – удивилась Люся и открыла глаза.

Шесть тридцать утра. Самое время для зубодробительных имен.

– Ван Со, император Кванджона, – терпеливо пояснила Нина Петровна.

– А мы что, уже в Корее? Вроде бы ложились спать в Турции.

– Уже неделю в Корее, где ты витаешь?

Люся зевнула и побрела в душ.

Так у них давно повелось: днем Нина Петровна, одинокая пенсионерка, смотрела сериалы, а по вечерам Люся их слушала. В авторском пересказе сюжеты претерпевали дивные метаморфозы, и персонажи вели себя так, как того хотела Нина Петровна, а не сценаристы. Люся изрядно удивилась, когда в случайном разговоре выяснила, что Джейме Ланнистер из «Игры престолов» погиб вместе с сестрой Серсеей, а не отправился в странствия с Бриенной Тарт.

К цветистым повествованиям Люся относилась философски, как и к ужинам, которыми угощала ее соседка, и к завтракам тоже. Так бывает, когда селишься на одной лестничной клетке с одинокой домовихой. Если навязчивой заботы не избежать, проще всего расслабиться и получать удовольствие.

– Так чем забита твоя голова? – спросила Нина Петровна, наливая сок из апельсина и сельдерея в высокий стакан.

– Вы не хотите этого знать, – хмыкнула Люся, разглядывая сложную композицию из авокадо, семян льна, цельнозернового хлеба и креветок.

Она просто купит себе по дороге в контору жирный бургер и попросит секретаршу о большой чашке кофе.

Нина Петровна вот уже много лет не выходила из дома, хоть и оставалась подвижной и энергичной старушкой. «Сначала из-за сына моего непутевого, – объясняла она, – а потом привыкла».

Люся подозревала, что у соседки развилась полноценная фобия, и пыталась уговорить ее вызвать специалиста, но Нина Петровна стояла насмерть. Про сына словоохотливая старушка тоже молчала как партизан, но деньги у нее водились, и она лихо заказывала себе продукты, вещи и технику по интернету.

Собеседников, увы, доставка не привозила, вот Люся и оставалась единственной, с кем Нина Петровна поддерживала общение.

– Опять задумала какую-то пакость, – резюмировала старушка, приглядевшись к Люсе повнимательнее. – Что за вредная ты баба! И не надоело тебе с целым городом бодаться?

– Врагу не сдастся наш гордый «Варяг», – продекламировала Люся и залпом, как водку, выдула сок.

Звякнул телефон – короткое сообщение: «Взяли». Анонимное, потому что сотрудникам правоохранительных органов запрещалось напрямую, в обход начальства, передавать подобные сведения журналистам.

– Взяли! – Люся подпрыгнула и метнулась к трюмо, торопливо смывая яркий макияж и срывая с себя крупную бижутерию.

– К Лихову собралась, – догадалась Нина Петровна. – Опять будешь прикидываться приличным человеком. И как он только тебя терпит.

– Терпит, – торжествуя согласилась Люся, меняя мини-юбку с бесстыдной блузкой на скромное серое платье. – Дед-Дуб меня очень терпеливо терпит, долгих лет ему службы. Черт, где мои очки для походов в управление?

– Ты еще косы заплети!

– Некогда. – Люся цапнула с тарелки кусок хлеба, запихала его в рот, схватила кофр с аппаратурой, трость и, прихрамывая, поспешила в прихожую.

Около четырех месяцев назад неизвестный мальчишка наступил ей на лапу – откуда он только взялся так далеко от города, и нога теперь заживала неохотно, медленно.

– Все, Нина Петровна, я ушла, – крикнула она, уже аккуратно обувшись. – Буду скорее всего поздно, не ждите.

– Я, деточка, тебя всегда жду, – мягко отозвалась соседка.

Люся ничего не ответила, ей было сейчас не до нее.

Дед-Дуб, или Дмитрий Юрьевич Лихов, вот уже больше двадцати лет возглавлял отдел видовых преступлений в городской полиции. Люсю он действительно терпел, с трудом, правда, но на открытую конфронтацию не срывался. Был он человеком мудрым и понимал, что лучше худая дружба с главным редактором и собственником новостного интернет-портала «Город не спит», чем добрая ссора.

Все знали, что у Люси характер мстительный, злопамятный и мерзопакостный, а сбитых чиновников она воспринимает как звездочки на фюзеляже. Поэтому сотрудничал с ней Дед-Дуб с крайней осторожностью, всегда ожидая подвоха и не теряя бдительности. И правильно, в общем, делал.

Люся уже вторую неделю дергала рядовых сотрудников и щедро подкармливала их в ожидании новостей о поимке русалки. Полиция, как всегда, старалась напустить тумана, офици-

ально – чтобы не распространять панику. Люся по обыкновению этот туман старательно развевала.

Именно ее портал первым написал, что в больницу доставлен мужчина в критическом состоянии с явными признаками истощения жизненных сил.

Читателям не нужно было объяснять, что это значит. Истории о том, как в квартирах находили изможденных покойников, рассказывали друг другу с детского сада. И еще читатели понимали: состояние пациента говорило о том, что русалка была молодая, жадная, неопытная, не умела вовремя остановиться. И что хуже всего – она найдет себе новую жертву в самое ближайшее время.

Ужас расплескался по интернет-страницам, посещаемость портала рванула вверх, а Дед-Дуб, с трудом сдерживая бешенство, сообщил, что объявлена операция «Перехват», полиция поднята по тревоге.

Люся нетерпеливо ожидала развязки.

Ее терзала навязчивая идея написать интервью с русалкой: на ее памяти такого еще никто не делал, потому что суеверные страхи были слишком велики. Люди боялись даже на пять минут остаться рядом с русалкой, хотя все исследования говорили о том, что нужно более недели плотного контакта, чтобы получить урон, несовместимый с жизнью.

Теперь главное было проникнуть в СИЗО до рассвета следующего дня, ибо всех умертвий казнили в первых лучах восходящего солнца.

Секретарша Деда-Дуба Верочка, сексуальная молодая ярилка, сегодня не пыталась прикрыть себя строгим костюмом, как обычно, и ее бюст слепил своим великолепием.

Она пыталась что-то сказать, но Люся не стала слушать. Быстро, насколько ей позволяла злополучная хромота, пересекла приемную, ворвалась в кабинет и остолбенела.

Не было раскидистого дерева, которое росло здесь годами и из-за которого Дед-Дуб и получил свое прозвище. Самого старика, впрочем, тоже не было, а за его столом сидел посторонний мужчина.

Сначала показалось – яг, эти всегда стремились в полицию или армию, но спустя мгновение Люся поняла, что перед ней марен, и это не предвещало ничего хорошего. Все марены, с которыми она встречалась, были корыстными и похотливыми козлами. Лучше секса для них были только бабки, а лучше бабок – секс.

И что этому типу здесь понадобилось?

– А где Лихов? – растерянно спросила Люся.

– Я вместо него, – весело ответил марен, окидывая ее откровенным взглядом.

– Павел Викторович! – Верочка влетела в кабинет следом. Теперь ее декольте стало объяснимее: марен и ярила – гремучая смесь. – Простите, она без разрешения... Это Людмила Николаевна Осокина, портал «Город не спит».

– Осокина, – повторил марен, и больше не было в его голосе веселья, а во взгляде – заинтересованности, одна неприязнь.

Люся развернулась, вышла из кабинета и оставила на табличку на двери: «П.В. Ветров, начальник отдела видовых нарушений городской полиции». Ветров, а не Лихов!

Дед-Дуб тихо ушел на пенсию, а ее портал об этом не знает?

Люся потянулась было за телефоном, чтобы известить редакцию, но замерла.

Люди часто ее терпеть не могли, это было как раз нормально, но чтобы так откровенно? Тут требовалась веская причина.

Павел Ветров.

Разумеется, ее память не могла хранить фамилии всех, о ком Люся когда-либо писала, но Ветрова она помнила.

Пятнадцать лет назад. Сын губернатора, устроивший два ДТП подряд в состоянии алкогольного опьянения.

Первое удалось замять.

Во второе Люся, еще студентка, вцепилась зубами, раскручивая и раскручивая историю и свой собственный портал, который в те времена был чем-то средним между блоготом и дайджестом.

Если бы не любовник из тех самых органов, она бы тогда эту тему не вытянула. Ее бы, зеленую девчонку, смяли, как и остальных.

Но Люся вытянула. И получила известность и аудиторию.

А непутевый мажор получил срок.

Губернатора сняли с должности.

Скандал на всю страну.

Вот оно что.

Люся решительно вернулась в кабинет. Прошла мимо Верочки и села в кресло для посетителей у стола Ветрова.

– Павел Викторович, сколько лет, – приветливо, профессионально улыбаясь, затараторила Люся, – вас теперь не узнать. Возмужали, стали таким солидным.

Лично им не доводилось встречаться, но она помнила видео с места происшествия и трясущегося тощего студентика. Бутылку водки на пассажирском сиденье и веник роз.

Ветров несся к своей девушке, и Люсе хватило наглости опубликовать их переписку в соцсетях. Она обвинила девушку едва ли не в соучастии: ведь та знала, что ее ухажер пьян, знала, что он сел за руль, но не позвонила в ГИБДД.

Ох, сколько было комментариев! Безответственность детей влиятельных родителей – всегда благодатная почва.

– Вернулись в родной город? – непринужденно продолжила Люся, игнорируя и мрачный взгляд собеседника, и его побелевшие от гнева губы.

Ветров сделал знак секретарше, и Верочка скрылась за дверью. Откинулся назад, кажется, в стремлении оказаться как можно дальше от Люси, и сухо спросил:

– И вы действительно думаете, что я собираюсь с вами разговаривать?

– Ну а почему бы нам с вами не поговорить? С вашим предшественником мы прекрасно сотрудничали. К слову, когда вы успели занять его место? Приказ уже подписан? Почему не было официального объявления?

– Вон, – коротко велел Ветров. – Не вынуждайте меня вызывать охрану. Это унижительно.

– Унижительно, – охотно согласилась Люся и улыбнулась еще шире, – когда силовики превышают свои полномочия и выставляют свободную прессу за порог из-за личных обид.

Не став с ней спорить, Ветров потянулся к коммуникатору на столе.

– Верочка? Пригласите ко мне охрану.

Люся не пошевелилась и задала новый вопрос:

– Разве человек с судимостью может занимать такой пост?

И снова не получила ответа. Ветров, демонстративно игнорируя ее, уставился в монитор. В общем, было понятно, что сейчас из него и слова не вытянуть. Но ведь впереди еще много интересного.

Люся встала, тяжело оперлась на трость, вежливо попрощалась и направилась к выходу. И вдруг вслед ей донеслось:

– И не вздумайте снова здесь появляться. Квакайте в другом месте. Ради бога, разве женщинам вашей породы не полагается мужу рубашки гладить?

Она замерла, не веря своим ушам. Откуда он вообще знает про ее вид?

Это было не просто хамство – это было за гранью всех мыслимых норм приличия. Никто и никогда не обсуждает вслух свои архаичные формы. Разумеется, архи узнавали друг друга, особенно нижние верхних – медведей и волков, но говорить про это! И к тому же вот так, походя, с издевкой!

Нет, марены действительно мерзавцы, но мерзавцы пронизательные. Многие из них все еще несли в себе колдовство, позабытое другими видами.

Значит, война.

Костика Носова, самого въедливого и язвительного из своих журналистов, Люся набрала из машины. Она мчалась в СИЗО, искренне надеясь, что туда еще не дошли новости о кадровых перестановках.

– Костя, вернулся наш мальчик-мажор, – сказала она, поправив гарнитуру.

– Какой из?.. – оживился Носов.

– Ветров-младший, сын бывшего губернатора. Два ДТП в состоянии алкогольного пятнадцать лет назад. Занял место Деда-Дуба, прикинь.

В ухе послышался возбужденный присвист.

Костик был кимором, то есть вздорным склочником, а Люся всегда уважала эти бесценные качества характера.

– Найди на него все, – продолжила она, – где и сколько сидел, когда вышел, на кого учился, налоговые данные, просканируй все арбитражи, свидетельства о собственности, соцсети, предыдущее место работы. Готовьте новость – вытряхните ту давнюю историю из архивов. Напомните городу о том, какое прошлое у Ветрова. Махинации его отца. Лихова народ любил, накидайте намеков, что Ветров подсидел Деда-Дуба. Посмотри, когда опубликован приказ, и, если его все еще нет, – попляши на этой теме. Созвонись с Лиховым, попробуй взять комментарий. И быстро, Костя. Костя?..

– Да-да, – он ответил не сразу, слышно было быстрое клацание клавиатуры, – понял, принял, работаю, Люсь.

Она кровожадно усмехнулась и припарковалась возле изолятора.

Михайлов, начальник СИЗО, выслушал ее просьбу с таким потрясением, будто Люся предложила ему устроить массовую резню.

– Интервью с нежитью-убийцей? – переспросил он слабым голосом. – Осокина, ты рехнулась?

Люся многозначительно погладила нежную кожу своей дамской сумочки.

Михайлов сглотнул, перевел мученический взгляд на камеру, снова посмотрел на Люсю.

– А если она?..

– За полчаса ничего не случится, – твердо заверила его Люся.

– Лихов разрешил?

– Лихов с утра у министра, сам понимаешь, такое дело резонансное. Но потом он все подпишет, всегда подписывает.

Видимо, это был последний Люсин визит в СИЗО. В следующий раз ее и на порог не пустят. Однако сейчас ей было не жаль ни испорченных отношений, ни денег на взятку. Люсю вел вперед профессиональный азарт.

Михайлов помялся, шелкнул мышкой, отключая камеру, раскрыл первое попавшееся дело, придвинул его Люсе, и она проворно положила туда тридцатку. Спустя несколько мгновений дело было закрыто, а камера вновь включена.

– Без фотоаппарата, – предупредил Михайлов, когда Люся потянулась за кофром.

– Ну Леш!

– Никаких «Леш». Или мне телефон тоже отобрать?

– Не надо телефон, – смирилась Люся и оставила кофр в кабинете.

– Попрошу врача подежурить поблизости, – уведомил ее Михайлов, пока они шли по коридору, – станет плохо – кричи. Но сопровождение не дам, мальчишки и так обходят корпус по широкой дуге. И веди себя прилично, камера все пишет. Я за тобой пригляжу.

– Я всегда веду себя прилично, – нервничая, ответила Люся.

Адреналин начал поступать в кровь, и она ощущала волнение и легкий, веселый страх.

Михайлов вдруг погладил ее по плечу. Он был ягом, защитником и стражем, и теперь мандражировал хлеще Люси. Но литры выпитого вместе коньяка и разнокалиберные суммы, перекочевавшие к нему из Люсиных карманов, сделали свое дело.

Щелкнули замки на тяжелой осиновой двери, и она шагнула внутрь, в мертвое царство ламп дневного освещения.

Все помещение было увешано различными оберегами.

Русалка сидела на лежанке в просторной деревянной клетке. Услышав щелчок замка и шум захлопнувшейся двери, она приблизилась к прутьям, глядя на посетительницу влажными мятежными глазами. Красивая.

Они всегда красивые.

Люся отжала кнопку диктофона в кармане, взяла стул и поставила его рядом с клеткой. Села, прислонила трость к бедру. Черный пудель на набалдашнике был просто причудой, а не проявлением ее дьявольского характера, как считали в редакции.

– Как тебя зовут?

– Лена. Елена Афанасьева.

– Ты помнишь, как умерла?

Русалка затравленно ощерилась, взгляд заметался по Люсиному лицу, на кончиках распущенных длинных волос проступили тяжелые капли.

– Я жива, – сказала она. – С чего ты решила, что нет?

– Но с тобой случилось что-то плохое. – Люся не спрашивала, утверждала.

Только те, кто умер слишком рано, несправедливо, горько, становились тем, кем стала Лена.

– Я шла из университета... – Бледные длинные пальцы машинально прикоснулись к прутьям, русалка зашипела и отпрянула. Отдышалась. – Двое ублюдков... мои однокурсники. Мы пошли выпить пива, а потом как-то оказались на стройке, и они меня...

– Изнасиловали, – тихо подсказала Люся.

Русалка кивнула. Мутные болотные слезы хлынули из глаз.

– Они меня били! Как не убили только.

Да в том-то и дело, девочка, что убили.

– Вы рассказали об этом следователям?

– Меня никто ни о чем не спрашивал.

Не спрашивали они, сволочи.

Люся попросила назвать имена насильников и университет. Он был в соседнем городе.

– Что с тобой было потом, Лен?

– Я пришла в себя, и мне стало все противно. Та стройка, свой дом, город. Я просто села в машину к дальнобойщикам и поехала куда глаза глядят.

Инстинкты всегда гнали русалок как можно дальше от места их смерти. Так у них повышались шансы быть пойманными не сразу. Некоторые из них годами бродили среди людей. Со временем первоначальная жадность притуплялась, и они учились не убивать своих жертв.

Таких, опытных, найти было сложнее всего.

Существовало три способа опознать русалку, и Люся знала: на практике ни один из них не работал.

Лена продолжала свой рассказ – о дальнобойщиках, о Вите, который приютил у себя бродяжку, о том, как ей было с ним хорошо, а ему с ней – с каждым днем все хуже.

Люся слушала и слушала, и ей было так жаль эту бедную девочку, так хотелось ее обнять, утешить, что она очнулась, только когда протянула руки сквозь прутья и ощутила ледяное прикосновение.

Замерев, Люся взглядела в тонкое изящное лицо, спрашивая себя: понимает ли русалка, что делает, или действительно все еще думает, что жива, и искренне не догадывается, отчего ее сожителя увезли на «скорой»?

– Дело в том, – Люся отодвинулась, не спуская глаз с собеседницы, – что ты действительно умерла на той стройке, Лен. Но твоя обида была так велика, что не отпустила тебя дальше. Ты стала русалкой, и на рассвете тебя казнят.

Лена захлопала мокрыми ресницами, хорошенькая мордашка выглядела совершенно несчастной.

Возможно, Люся напрасно омрачила последние часы ее посмертия, но ведь она затеяла это интервью и обманула Михайлова не только ради повышения охватов. О психологии нежити ученые спорили до сих пор, и было по-настоящему интересно узнать чуть больше.

– Русалок казнят всегда, – продолжила Люся спокойно, – как и трясовиц, хоть те и выглядят невинными детьми. Навей же обычно просто ставят на контроль. Жизнь ужасно несправедлива. Ты ведь не сделала ничего плохого. Ты ведь жертва, да, Лен?

И тогда сквозь нежные черты проступило нечто хищное, потустороннее, смертоносное. Оскал исказил бледные губы, а в глазах замельтешили болотные огоньки.

Голова Люси дернулась, когда некая невидимая смрадная волна окутала ее, навалились слабость и усталость.

– Тебе полегчало? – спросила она и встала.

И хотя ее чуть пошатывало, пока она шла по коридору за Михайловым, Люся ликовала. Это будет потрясающий материал.

– Напомни Лихову, чтобы он спустил разрешение на визит, – напомнил Михайлов.

– Конечно, – с легким сердцем ответила Люся и помахала ему на прощание.

«Новый глава отдела видовых нарушений в юности имел проблемы с законом», – писали ее журналисты. Они откопали и видео с трясущимся студентом Ветровым, и то, что он отсидел всего полтора года из пяти, и интервью со сбитой женщиной, которая годами училась ходить заново. Костик даже упомянул бабушку Ветрова, мать папы-губернатора, брошенную всеми. Папа-губернатор бежал, поджав хвост, в Москву, где затерялся в многочисленной толпе околоправительственных прихлебал. Внук отправился в места не столь отдаленные, а старушка осталась одна. В городе, где ее фамилия стала ругательной и где все друзья и знакомые смотрели с презрением.

«Бедная женщина, – писал Костик, – вот уже пятнадцать лет не выходит из дома. Навестили ли ее родственники хоть раз за все эти годы?»

Вздвигнув, Люся еще раз перечитала про пятнадцать лет и позвонила своей соседке по лестничной клетке Нине Петровне. Той самой, с которой они уже много лет жили, не закрывая между собой дверей. Той самой, которая пересказывала ей сериалы и поила соком из сельдерея.

– Люсенька! – непривычно звонким голосом воскликнула Нина Петровна. – А мне внук позвонил. Говорит, вернулся. Говорит, со мной поживет.

И вот тогда Люся в первый раз подумала, что попала. Надо сказать, что в дальнейшем эта мысль приходила ей в голову неоднократно.

Глава 2

В родную контору Люся ворвалась как фурия, ее трость с такой яростью стучала по деревянному полу, что секретарша выскочила из приемной, ойкнула и запрыгнула обратно.

Хлопнули створки окна, но запах лака для ногтей, разумеется, выветриться не успел.

– Что у нас нового? Коротко, – обронила Люся, игнорируя и запах, и бочком выползающего из приемной Самойлова.

Ольга последовала за ней в кабинет, сосредоточилась.

– Ветров-младший вернулся в город, наши дали экстру, материал дополняется. Молокозавод перевел крупный транш на десять публикаций. Очередь Самойлова работать с рекламодателем.

– Убери Самойлова, поставь Волкову, – велела Люся, включая ноутбук.

– Он будет ныть и страдать и доведет нас до исступления, – мрачно предсказала Ольга. – И тлен поглотит всю редакцию.

Бояны вообще любили приукрашать действительность, но тут она не слишком грешила простив истины: Самойлов, бесталанный и завистливый автор, без устали трепал всем нервы. Люся не увольняла его только по личной просьбе Великого Моржа, ее престарелого любовника и покровителя из тех самых органов.

Великий Морж был, как и многие другие крупные чины, арх-медведем, но его усы так знатно топорщились, что прозвище появилось само собой и устойчиво держалось уже много лет.

Однажды у Люси закончится терпение, и она выбросит его племянника Самойлова из редакции. Пока же приходилось держать парня подальше от серьезных рекламодателей, чтобы не портить мнение о портале в целом и не переписывать после него тексты.

– Еще?

– Еще на нас подали в суд, – хмыкнула Ольга.

– Опять из-за Носова? Что говорят юристы?

– Что все не так однозначно.

– Ну да, ну да, – рассеянно кивнула Люся. – Ольга, меня не беспокоить. И принеси, пожалуйста, ведро кофе. – Руки уже подрагивали от нетерпения.

Многие журналисты ненавидели расшифровку записей, но Люся никогда не скидывала этот нудный процесс на подчиненных. Интервью – жанр тонкий, настроенный исключительно на спикера. Здесь важно учитывать интонации и бережно перенести их из устной речи в письменную.

Поглощенная работой, Люся не отреагировала на Ольгу, которая молча поставила перед ней огромную кружку американо. Сейчас она могла бы оказаться в жерле извергающегося вулкана и все равно не отняла бы пальцев от клавиатуры.

«До какой поры суеверная паника будет мешать правоохранительным органам выполнять свои обязанности?»

Каждый ребенок знает, что обычно русалками становятся после насильственной смерти, но сотрудники полиции даже не расследуют обстоятельства этих смертей, ограничиваясь казнями на рассвете. Десятиминутной беседы хватило бы на уточнение деталей трагической гибели молодой женщины, блестящей студентки, любимой дочери и хорошей подруги. Иррациональный страх парализовал разум сотрудников полиции. Они просто заперли умертвие в клетке, полностью игнорируя тот факт, что до своей смерти Елена Афанасьева была полноправным гражданином нашей страны.

Ее смерть должна быть расследована по всем правилам, но пострадавшая и единственная свидетельница была казнена этим утром. К счастью, у автора этих строк сохранилась дик-

тофонная запись с именами убийц, и если кто-то в полиции все же решит поработать, то вы знаете, где меня искать».

Закончив интервью авторским аккордом, Люся довольно улыбнулась. Руки еще чуть подрагивали, сердце колотилось чуть быстрее, как от сексуального возбуждения.

Напевая под нос веселую песенку, Люся привычно и быстро накатала жалобу в прокуратуру, где указала все обстоятельства дела, имена сотрудников полиции, работавших с русалкой, и данные диктофонной расшифровки, касающиеся убийства. Поставила письмо в отложенные – оно будет отправлено завтра в семь утра.

Поднялась, потянулась, взяла трость и вышла из кабинета.

– Люсь, у тебя мобильник не отвечает, – тут же сказала Ольга. – Китаев звонил. Просит заехать к нему до пяти.

Китаев – Великий Морж – в последние годы нечасто желал видеть Люсю и уж тем более никогда раньше не вызывал ее через секретаршу.

– Сообщи его секретарше, что я буду, – резко ответила она.

Ну давай теперь будем общаться через третьих лиц, вот до чего докатились.

Портал занимал небольшое помещение под самой крышей старинного купеческого дома. Здесь были деревянные перекрытия, все скрипело, отовсюду дуло, но Люся обожала и кособокие ступеньки, и шорохи старого особняка, и узкие окна, и низкие потолки.

– Синичка, Синичка, – она заглянула в крохотную комнатку единственного кроме нее человека, тоже занимавшего отдельное помещение. Таня Синичкина, редактор и немножко, по мнению Люси, бог, подняла голову от компьютера. – Я тебе скинула текст. Поставь таймер выкладки завтра на рассвете, после того как вычитаешь.

– Ладно, – ничему не удивляясь, согласилась Синичка.

Она была дотошной и время от времени выводила журналистов из себя, требуя уточнений, если в тексте что-то оставалось для нее непонятным. Пока, чертыхаясь, они искали для нее ответы, авторы и сами выясняли много нового.

Люся наконец дошла до пульсирующего нерва конторы – редакции. Встала на пороге, оглядывая свое войско.

Олег Зорин, ворчливый флегматик, боян, уже собирался домой. Он работал с шести утра до двух дня. Жаворонок по природе, он приходил в контору ни свет ни заря, и к семи утра, когда город просыпался и варил свой первый кофе, свежие новости уже появлялись на страницах портала. Зорин являлся большим фанатом Ильфа и Петрова и пытался писать смешно. У него были даже некие нормативы по количеству шуток на количество знаков, но настоящая ирония рождалась только спонтанно.

Костя Носов, заноза в заднице, что-то стремительно строчил на компе. Увидев Люсю, он сделал большие глаза и замотал головой, сигнализируя, что у него капец какие срочные новости, но прямо сейчас он никак не может оторваться.

Маша Волкова, тихая рабочая лошадка, домовиха, тихо говорила по телефону. Она числилась у Люси в любимицах. Почти. От этой девочки сроду не было проблем, но и ярких материалов не было тоже.

Леня Самойлов, стоило Люсе появиться, демонстративно нацепил наушники, негласно извещая, что обижен и не намерен с ней разговаривать.

От банников всякой пакости можно ожидать, и Люся пообещала себе все-таки уволить поганца. Вот сегодня и поговорит об этом с Великим Моржом.

– Как дела, народ? – спросила она, когда Маша закончила говорить по телефону.

– Зорин женился, – тотчас доложила домовиха, смешливо наморщив нос.

– Как женился?

– А вот так: вышел на обед, а вернулся женатым. Видишь, в белой рубашке человек? Вот то-то же.

– Ну раз в белой рубашке... – Люся засунула руку в карман, где еще остались взяточные деньги – не все же она утром Михайлову отдала, выгребла все, что там было, и вручила Зорину.

Тот принял с достоинством.

– Счастья молодым и все такое, – напутствовала Люся. – Детей красивых, кем бы они ни родились.

В семьях очень редко появлялись на свет два младенца одного вида.

Можно было определить заранее пол ребенка, но вид – никогда. Причудливо тасовались колоды, причудливо играла кровь. Люся знала примеры упоротых семейств, где киморы, к примеру, столетиями женились исключительно на киморах, и вдруг у них рождалась банница – согрешила какая-нибудь прапрапрабабка триста лет назад, и вот вам привет из прошлого.

Но обычно никто на эту тему не заморачивался.

В среднестатистическом человеке переплетались гены всех видов или почти, и какой из них станет доминантным во время формирования плода, хрен его знает.

Носов бросил печатать как сумасшедший и завопил:

– Докладываю по Ветрову!

– Ты мне лучше доложи, почему у нас опять юристы при деле?

– А я виноват, что этот депутат такой истеричка и шуток не понимает? – отмахнулся

Носов. – Так вот, по Ветрову. Отсидел полтора года в колонии общего режима, был выпущен за хорошее поведение. Окончил какой-то вшивый университет за три звезды отсюда – в городе N. Сразу после юрфака там же устроился в видовую полицию.

– Я ушел домой, – объявил Зорин.

– Привет жене... Как устроился? С судимостью?

– А тут есть юридический казус. Судимость была по общей гражданке, и в общей гражданке он служить не может. А в видовой – может, потому что видовых преступлений он не совершал.

– И давно у нас такие законы? – изумилась Люся.

Носов моргнул.

– Так с Петра примерно... Первого, в смысле.

– Ладно. Что дальше?

– Жил себе тихо и спокойно. В скандалах, интригах и прочем интересном замечен не был. Соцсети – стерильные. Ни судов, ни задолженностей, ни упоминаний в интернете. Я прогнал его фото через поисковики и нашел только одну подружку, которая выкладывала селфи с ним. Примерно год назад короткий роман с ярилой. Ну, ты понимаешь. Красотка. Безуспешно пытается сделать карьеру певицы, но пока выступает по провинциальным кабакам.

– Ты уже связался с красоткой?

– А то как же! – Носов самодовольно кивнул. – Говорит, подлец и сволочь.

– Ну это само собой. А обоснования есть?

– Марен же! Самодовольная жадная скотина. Цветов не дарил, с подружкой изменил и вообще козел.

– И это все? – Люся вздохнула.

Изменой с подружкой читателей не пронять. При должной виртуозности Ветров легко повернет мнение города в другую сторону. У нас любят тех, кто публично покаялся. Второй шанс и все такое.

Люся во вторые шансы не верила, а достоевщина стояла ей поперек горла еще со школьной скамьи. Гад он и есть гад, сколько ни притворяйся потом приличным человеком.

– Люся! – Встревоженная Синичка вбежала в редакцию. – Материал о русалке надо давать сейчас же, пока ее не казнили!

– Какую русалку? – заволновался Носов, который всегда чутко реагировал на потенциальные информационные бомбы.

- И с чего нам давать его сейчас?
- Чтобы полиция успела ее допросить до казни!
- И где драматизм? – скривилась Люся.
- Да при чем тут драматизм! – воскликнула Синичка. – Дело в восстановлении справедливости.
- Я вот понять не могу: тебе кто платит – я или полиция? – возмутилась Люся. – С чего это ты решила играть на их стороне?
- Я на стороне невинно убитой девушки.
- Ее все равно казнят. Все, давай без демагогии. Завтра на рассвете, не раньше. Синичка постояла, сверкая глазами. Потом молча вышла, яростно хлопнув дверью. Старый дом застонал.
- К счастью, она была кашем, а не воином. Хранителем знаний, а не революционером. Так что диверсий с этой стороны Люся не боялась.
- Какая русалка? Какая полиция? – настойчиво спрашивал Носов.
- Вот завтра на рассвете и почитаешь.
- Ага, щас... – Костик уже щелкал мышкой, листая отложенные публикации в редакционной сетке. Было приятно видеть, как глаза Носова inferнально загораются. – Люся, – выдохнул он ошеломленно, а потом заорал: – Люся!
- Самойлов вдруг шмякнул наушниками об стол и язвительно спросил:
- Здесь когда-нибудь дадут спокойно поработать?

* * *

К Великому Моржу Люся приехала в шестнадцать пятьдесят восемь. А что? Сказано же было – до пяти. До пяти она уложилась.

Олег Степанович Китаев, полковник ФСБ, восседал за массивным столом и смотрел на нее с осуждением.

Они познакомились, когда Люся училась на третьем курсе. Редакция, где она проходила практику, отправила студентку на настоящее взрослое интервью к тогда еще подполковнику.

И как-то сразу все закрутилось.

Ему было сорок пять. Ей – двадцать.

У него были жена, деньги и сила. У нее – койка в общежитии, сложные отношения с родителями и большие амбиции.

Великий Морж дал Люсе многое: квартиру, машину, отпуска на море.

Но главное... Главное – он до сих пор давал ее порталу невидимую поддержку, а время от времени подкидывал и информацию.

Люся недолго заблуждалась на этот счет: дело было вовсе не в ее женских прелестях, этот симбиоз был выгоден ведомству. На ее площадке было легко отслеживать самых одиозных, шизофренических и истеричных личностей города, кропотливо собирать данные, благо люди выкладывали о себе в сети такое, что в порядочном обществе и не расскажешь. Использовал Великий Морж Люсю и тогда, когда ему нужен был резонанс.

В последние годы его страсть изрядно поутихла, и их отношения все больше склонялись в сторону делового сотрудничества. И слава богу, между прочим. Для страсти у Люси был Леша Баринов, владелец сети аптек. Банник, но в предпринимательстве их немало. В конце концов, у каждого свои недостатки.

– Слушаю вас, Олег Степанович, – вкрадчиво произнесла Люся, опускаясь в кресло для посетителей.

– Что с ногой? – хмуро спросил Великий Морж.

Надо же, как давно они не виделись.

- Прищепили, – ответила коротко.
- Помощь нужна?
- Ну что ты. Я уже взрослая девочка.
- Взрослая, – согласился он. – Предупреди своего Барина, что будут проверки, могут посадить.
- За что? – пересохшими губами спросила Люся.
- Это было неловко: говорить с одним любовником про другого.
- Пусть даже с бывшим. Пусть даже про нелюбимого.
- Торговля нелегальными препаратами, свободный отпуск рецептурных лекарств.
- Занятно. – Люся помолчала, глядя на стену за его плечом. – А Ветров-младший зачем вернулся, знаешь?
- Еще бы ему не вернуться. У них же тут ЖБК номер девять, сеть ресторанов «Бала-лайка», тридцать седьмое строительное управление и птицефабрика на сдачу.
- То есть?..
- То есть папаша Ветров, пока был губернатором, завел немало бизнесов – и все черт знает на кого. Вот сыночек и вернулся, ибо хозяйство солидное, требует присмотра.
- Но ведь сотрудник полиции не имеет права заниматься никакими видами предпринимательской деятельности.
- Так он и не занимается, – засмеялся Великий Морж. – Там такие цепочки, сами еле отследили.
- Олег, – Люся подалась вперед, – что угодно за эти цепочки.
- Великий Морж оценивающе прищурился. Казалось, в его голове с бешеной скоростью щелкал кнопками невидимый калькулятор.
- В город прибывает коркора, – наконец сказал он, – легальная.
- Сердце Люси совершило кульбит, как и у любого нормального человека при упоминании этих существ.
- Коркоры пугали каждого без исключения, недаром чаще всего их называли лютыми. Все древние сказки о ящерах с тремя головами появились после встреч с ними.
- Марина Сергеевна Соловьева, историк, доктор наук. Мне нужно, чтобы город встретил ее лояльно.
- Лояльно? – недоверчиво переспросила Люся. – Коркору? По-твоему, я волшебник?
- Бываешь иногда. – Он пожал плечами. – Напиши интервью... с правильными акцентами. Запусти серию материалов о стереотипах и шаблонах. О том, что необязательно банник окажется мошенником, некоторые домовые ненавидят готовить, встречаются лады, не желающие заводить семью, и не каждая ярила – шлюха. Главное, чтобы Соловьевой дали спокойно работать, а город не лихорадило от паники и ненависти. Нам тут стихийные покушения ни к чему, а то психических много в последнее время развелось. Помнишь, как спалили магазин, в котором работали нави?
- Ладно. – Первый шок прошел, и Люсин мозг перешел в рабочий режим. Она прокручивала варианты и уже сочиняла заголовки. – Договорились.
- Это будет захватывающий квест.
- Можно ли изменить мышление целого города? И какими методами?
- Я не волшебник, я только учусь, – пробормотала она и, перегнувшись через стол, мягко поцеловала Великого Моржа в пушистые усы.
- Уже у порога обернулась.
- А Самойлова можно турнуть?
- Терпи, – попросил он с неожиданно просительными интонациями, – а то брат мне всю душу вынет.
- Есть терпеть, – приуныв, отозвалась Люся.

Всю дорогу до дома она спрашивала себя: звонить Баринову или он сам себе Буратино? Кто просил его связываться с серыми схемами? Тем более в области медикаментов. У людей вообще-то жизнь от этого зависит.

– Добро налево, зло направо, – сказала себе Люся, – прямо пойдешь, охваты наберешь.

Два года назад ее собственная сестра попала на том, что половинила ампулы, вливая пациентам лишь часть препаратов, а излишки сбывала налево.

Сестра была яриллой – яркой, красивой, любящей легкую жизнь.

Мать требовала, чтобы Люся подняла все свои связи и вытащила сестру. Или хотя бы смягчила ей приговор.

Люся, наверное, могла бы, но вместо этого расписала все подробности дела на своем портале.

С тех пор у нее больше не было семьи.

Выбор, который мы делаем каждый день. Возможно, неправильный, но единственно возможный.

Холодная голова, горячее сердце и чистые руки, говорила себе Люся, но с возрастом эта мантра все чаще давала сбой. Легко быть максималистом в двадцать, в тридцать пять сомнений становится куда больше.

– Я подумаю об этом завтра, – пообещала она себе, паркуясь.

Поднимаясь в квартиру, Люся ожидала вечер в тишине и одиночестве – впервые за много лет Нина Петровна не станет ходить за ней по пятам, пересказывая сериалы. Сегодня она будет водить хороводы вокруг внука.

Однако соседка нашлась на ее кухне. Она тушила на пару котлеты, что-то мурлыча себе под нос.

– Нина Петровна? – удивилась Люся.

– Ты сегодня рано.

– А у вас разве нет гостей?

– Вот что, милая моя, – строго проговорила Нина Петровна, – я с тобой свои семейные дела обсуждать не буду. Тебе же только слово скажи, а завтра весь город прочтет об этом в интернете.

– Это правда, – согласилась Люся, – мой мозг не рассчитан на хранение и сокрытие информации, а только на ее распространение. Профессиональная деформация. Поэтому молчите, Нина Петровна, о семье и говорите со мной о сериалах.

– Иди руки мыть.

Люся молча прошла в ванную комнату, умылась, переоделась в домашнее.

Звонить Баринову? Не звонить?

Зачем Великий Морж поставил ее перед таким выбором?

Наверняка проверял, старый садист. Все-то ему интересно, как Люся поступит в той или иной ситуации. По закону? По-человечески?

А продавать фальшивые таблетки – по-человечески?

Вернувшись на кухню, Люся села на табурет и уткнулась лбом в теплое дерево столешницы. Осина. Мебель из этого дерева пользовалась неизменным спросом.

Травмированная нога, как обычно по вечерам, немилосердно ныла.

– Ниночка Петровна, – жалобно спросила Люся, – почему же жить-то так трудно?

– Трудно ей, – фыркнула старушка, – выдумала! Вот если у тебя сын – поганец, а внук – слизняк, вот это трудно.

– А давайте выпьем, – предложила Люся. – Чувствую, нам сегодня прям надо.

– А давай, – согласилась Нина Петровна. – И правда надо.

Она достала из морозилки бутылку, ловко разлила по стопкам ледяной водки и быстро нарезала соленые огурцы.

– Так вот, значит, стоит Хэ Су на коленях под дождем, мокнет, бедняжка. И тут появляется Ван Со и накрывает ее своим плащом. Мурашки, Люсь, мурашки! – таянув, крякнув, завела свое Нина Петровна.

Люся засмеялась. Ее отпусало.

К черту Баринова. Пусть сам выкручивается. Она мошенников прикрывать не нанималась.

Глава 3

– Люсь, а Люсь?

– М-м?

– А как ты думаешь, кто сексуальнее – Хиддлстон или Камбербэтч?

– Что? – удивилась Люся и открыла глаза.

Шесть тридцать утра. Нина Петровна сидела на краешке ее кровати и что-то увлеченно строчила в фанатских пабликах.

Открыв свой телефон, Люся убедилась, что материал о русалке вышел четко по расписанию и в такую рань уже собрал несколько тысяч просмотров и сотни комментариев.

Довольно потянувшись, она скинула одеяло, предвкушая насыщенный день.

– Голая по квартире не ходи, – не отрываясь от мобильного, предупредила Нина Петровна, – внук будет завтракать с нами.

– Здесь? Почему? – Люся остановилась посреди спальни, нетерпеливо переминаясь, – ей хотелось быстрее рвануть навстречу приключениям.

– Потому что я не вынесу его и по утрам тоже. – Соседка раздраженно дернула плечом. – Будешь моим громоотводом.

– Я могу быть только громоприводом, – предупредила Люся и скрылась в ванной комнате.

Отец любил, чтобы к завтраку все были одеты, причесаны и сияли бодростью духа. И всю жизнь Люся сначала собиралась, а потом садилась за стол, даже когда ютилась в общаге и на завтрак у нее была вчерашняя гречка, приправленная кетчупом. Привычка, что поделать.

Сегодня, когда встреча с Дедом-Дубом не входила в планы, можно было себе позволить и яркий макияж, и короткую юбку, и броские украшения. Две косы – тоже папина причуда, которой Люся следовала до сих пор, кольца, цепочки, стринги, чулки, пуш-ап, замша и шифон, эклектика и фьюжн... Порой казалось, что женщиной быть слишком сложно. А бронебойной женщиной – и вовсе тяжкий труд. Все это – доспехи на каждый день – весило сто тысяч тонн.

Когда Люся появилась на кухне, Ветров уже сидел за столом.

Начальник видовой полиции, бывший когда-то мальчиком-мажором с иллюзиями о вседозволенности, читал новости в телефоне. Глаза его побелели от ярости.

Вчера был его первый рабочий день в новой должности, и он обернулся грандиозным провалом: ведь это подчиненные Ветрова не допросили русалку как жертву. Это Ветров подписал решение о казни на рассвете.

Никогда в жизни у Люси не было возможности наблюдать, как объекты ее деликатной интернет-критики читают репортажи о себе в режиме реального времени.

– Доброе утро, – вежливо произнесла она, внимательно следя за сменой выражений на ветровском лице: слепая ярость – ледяное бешенство – холодное отвращение.

Что ж, всегда приятно иметь дело с человеком, который умеет держать себя в руках.

– Доброе, – отозвался он после короткой паузы. – Сорри, что заявился без спроса, с моей бабулей не поспоришь.

Какими мы становимся вежливыми, молча восхитилась Люся, после того как дважды схлопочем общественным осуждением по морде.

Нина Петровна хмыкнула, по-прежнему не отрываясь от телефона.

– Мы с Ниной Петровной не обсуждаем ваши семейные дела, – уведомила его Люся.

В присутствии марена она ощутила легкую дурноту, должно быть, от волнения и напряжения. Все-таки кухня была ее территорией, и присутствие здесь посторонних выводило из душевного равновесия. Поэтому она постаралась сесть как можно дальше от непрошеного визитера и силилась дышать ровно.

Сегодня – о радость! – вместо зеленого смузи был фруктовый: апельсин, киви и мята.

Ветров побарабанил пальцами по столу, без всякого выражения глядя на Люсю.

– И все-таки я задам личный вопрос, – проговорил он, не сумев подавить брезгливости, – вы что-то имеете против меня?

– Да с чего бы это, – отмахнулась Люся, – я вас вообще вижу второй раз в жизни! Вы всего лишь сюжет. Правда, если бы вчера вы не выгнали меня из своего кабинета, я попросила бы разрешения на интервью. И кто знает, может, вам не пришлось бы сегодня целый день оправдываться. Вот что бывает, когда старые обиды сильнее здравого смысла.

– То есть вы все это затеяли из мелкой мести?

– Да за кого меня принимает этот человек! – пожаловалась она своему бутерброду с тунцом и сыром. – Если бы я мстила каждому, кто указал мне на дверь, у меня вообще бы ни на что другое времени не осталось.

– И вместо того чтобы отправиться восвояси, – уточнил он, – вы отправились в СИЗО и сознательно ввели в заблуждение начальника учреждения.

– Ему следует более ответственно относиться к своим обязанностям.

– Следует, – отстраненно согласился Ветров.

Если бы Люся хотела, она могла бы, не вставая с места, рассказать, как ему повернуть ситуацию в свою пользу и выйти из нее народным героем. Да только Люся не хотела. И за Михайлова, начальника СИЗО, она особо не переживала – отделается устным выговором. Ветров был бы последним дураком, если бы объявил, что у него на режимном объекте проходной двор. И плевать, что едва успел принять должность. Начинать карьеру с признания своих слабостей – так себе вариант.

– Жду вас к девяти утра у себя в отделе для дачи свидетельских показаний. Не забудьте принести диктофонную запись. Надеюсь, обойдемся без повестки?

– Ой, даже не знаю. Вчера вы велели мне пойти вон. Так и сказали: не вздумайте здесь появляться. Так куда теперь бежать бедной девушке?

Он прищурился, разглядывая ее, как яму на дороге.

К счастью, завибрировал Люсин телефон – это главный прокурор региона Игорь Никитич Суслов открыл электронную почту.

– Осокина, – спросил он, не здороваясь, – скажи мне только вот что: почему всегда в семь утра? Почему нельзя ставить отправку на два часа дня, например? Прекрасное послеобеденное время!

– Потому что не надо откладывать до обеда то, что может вас обрадовать рано утром, – без заминки отрапортовала Люся.

– Обрадовать? – кисло переспросил прокурор. – Да у меня нервный тик от твоих писем! Я уже просыпаться боюсь! Ты же как дятел – стучишь без остановки.

– Это называется активная гражданская позиция!

– Люсь, – Суслов стал серьезнее, – давай к девяти к нам для дачи свидетельских. И диктофонную запись прихвати.

– Не могу к девяти, ангажирована видовой полицией. Ах, на сегодня моя бальная книжечка вся заполнена.

– Ну тогда сразу после полиции. Но я тебя заранее предупреждаю: нет состава преступления у видовиков. Нет такого закона, чтобы они обязаны были умертвляя допрашивать.

– Бесите, – вспыхнула Люся, – формалисты чертовы! А по-человечески нельзя? Нет приказа – можно яйца чесать?

Нина Петровна отложила телефон, выпрямилась, перегнулась через стол и легко стукнула пальцем по Люсиным губам.

– Можно чесать, а можно не чесать, – заржал прокурор. – Все, Осокина, до связи. Я твоему Носову сегодня одну фавулу отправлю, будут вопросы – пусть звонит.

– Он позвонит, – угрожающе согласилась Люся и сбросила вызов.

– Детонька, – ворчливо произнесла Нина Петровна, – кто ругается за завтраком, не получает пироженку.

– Из обезжиренного творога и кураги? Даже не знаю, как пережить такую потерю, – саркастически отозвалась Люся.

Ветров без всякого удовольствия жевал кашу из полбы и тыквы, делая вид, что оглох.

Но Люся не была бы Люсей, если бы позволила добыче наслаждаться своим завтраком безо всякой пользы для портала.

– Павел Викторович, – спросила она, – что будет дальше? Вы откроете дело?

– Дело возбуждается на территории совершения преступления... – скучным голосом начал было Ветров, и тут Люся замахала рукой, повелевая ему заткнуться, и снова схватилась за телефон.

– Костик? Подготовь, пожалуйста, «рыбу». Благодаря нашему portalу видовая полиция передала все материалы дела в город, где была убита Лена Афанасьева. Наши спецкоры уже выехали на место событий и будут держать вас в курсе... бла-бла-бла. Прокуратура начала проверку, бла-бла-бла. Опубликуем к обеду. А ты, мой друг, готов ли к командировке?

– Всегда готов, – откликнулся Носов. – Люся, ты видела? Мы в федеральной повестке! Мир разделился на тех, кто за права умертвий, и тех, кто против. Полюхают интернет-страницы, а ведь еще даже рабочий день не начался. Спорим, что сегодня штук десять депутатов заголосят о поправках к закону? Это пушка, Люся.

– Деньги на поездку Ольга тебе переведет, – закончила она свою мысль. – Надеюсь, тамошняя полиция, в отличие от нашей, настроена на сотрудничество.

Ветров едва заметно скривился.

– Не захотят – заставим, – ухмыльнулся Носов. – Не первый год замужем.

– Самый сексуальный – Дэниел Крейг, – неожиданно определилась Нина Петровна.

Лежа на диване в своем кабинете, Люся смотрела пресс-конференцию Ветрова.

Типичный изворотливый марен – ни стыда ни совести.

– Мы не можем принуждать сотрудников взаимодействовать с умертвиями, – говорил он. – Любой человек, даже если он носит погоны, имеет право на защиту от нечисти. Однако наше ведомство работает в плотном сотрудничестве с прессой, и материал был подготовлен совместными усилиями...

– Вот сволочь! – Люся едва не зашвырнула планшет в угол, но все же удержалась от порчи редакционного имущества.

Ветров не казался красивым или хотя бы обаятельным ни на экране, ни в жизни. Трагедия большинства маренов – будто в наказание за повышенную похотливость природа редко одаривала их приятной внешностью. Как правило, марены выглядели отталкивающими и безобразными, и колдун Черномор – горбатый карлик с головой обритой, высоким колпаком покрытой, – похитивший ладу Людмилу у яга Руслана, считался хрестоматийным представителем своего вида.

К счастью для себя, Ветров был обычного роста, без горба или лысины, но его крючковатый нос, лохматые брови, узкие глазки вряд ли могли усладить чей-то взор. Так что Люся страдала и по эстетическим причинам, не только от чужого коварства.

– Так тебе и надо, – сказала она Ветрову в планшете, – бодливой корове бог рог не дает. Спорим, тебе приходится платить за секс?

– Мы намеренно добавили публикации провокационный характер, чтобы вызвать широкий резонанс, поскольку считаем, что некоторые устои общества изрядно устарели...

– Тварь, – меланхолично заключила Люся, выключила трансляцию и закричала: – Оля! Ольга! Закажи мне самый большой, самый вредный на свете гамбургер! И позови мне Носова!

– Носов в командировке! – крикнула Ольга в ответ.

Ах да. И что, Люсе теперь самой, без ансамбля, гуглить про лютую коркору Марину Сергеевну Соловьеву, доктора наук?

Носов был непревзойденным мастером раскапывать клады, а Люся числилась в бомбовиках-затейниках.

Не вставая с дивана – нога ныла, и Люся считала, что после целого утра, проведенного в не слишком приятных кабинетах, имеет право возлежать под пледиком, – она слопала гамбургер, запила его сладким кофе и задумчиво покрутила в руках телефон.

Вот если ее сожрет эта коркора, то Люся обязательно станет русалкой и явится укорять Великого Моржа за свою трагическую смерть. Если от нее, конечно, хоть что-то останется.

– Ручки мои, ножки, лапки, перепонки, – запричитала Люся сердито, а потом решительно набрала номер. – Верочка, а соедини-ка меня со своим новым шефом!

– Спрошу, – прошептала бывшая секретарша Деда-Дуба, а ныне – господина Ветрова, мерзавца и прохвоста, – так-то он сильно не в духе, конечно. Умеешь ты, Люся, людей бесить.

– Так кто на кого учился, милая моя.

– Что за язва, – вздохнула Верочка, в трубке зашуршало, включилась мелодия, а потом раздался ветровский голос:

– Да?

– А это Осокина, – обрадовала его Люся, – та самая. Павел Викторович, учитывая все, что между нами было... Ну, плотное сотрудничество и тесное взаимодействие, или как вы там ввали на интервью, – у вас есть редкий шанс оказать мне услугу.

– Да ну? – без всякого воодушевления, но с наглой издевкой откликнулся он.

– Ну да. – Люся повернулась на другой бок и уставилась на обивку диванной спинки. – Вы же в курсе, что в город прибывает коркора. Должны быть в курсе, дело-то неслыханное! И на учет надо будет ставить, и вообще всячески бдеть...

– Та-а-ак, – Ветров явно насторожился и переключился на служебный тон, – я-то в курсе, а вы откуда?

– Вы меня ни с кем не перепутали? – заволновалась Люся. – Осокина! Портал «Город не спит». У меня как бы работа такая – быть в курсе.

– Понятно. Об источниках информации спрашивать бесполезно?

– Может, вам еще блюдечко с голубой каемочкой?

– Приезжайте ко мне, – коротко велел Ветров.

Испугался, поди, что Люся прямо сейчас сбросит на город новость, от которой паника взметнется до небес. А Ветрову потом расхлебывать.

По крайней мере он быстро учился на своих ошибках. Не с первого раза, как показала старая история с двумя ДТП подряд, но все-таки.

– Вот уж дудки, – возразила Люся, повеселев, – я и так слишком много времени провела сегодня в вашей конторе. У меня теперь упадок сил и, возможно, авитаминоз.

– Хорошо, дома поговорим, – решил Ветров, подумав. – Постарайтесь до вечера воздержаться от резких движений.

– Это вы сейчас что имели в виду? – ехидно уточнила она, озадаченная его «дома поговорим». Ох, Нина Петровна! Сдала крепость врагам! – Сейчас мои ребятки готовят публикацию о нехватке кадров в городском зоопарке. Это очень резко или терпимо? А потом у нас еще планируется материал о премьерке в камерном театре. И – шок и трепет – обзор психологической совместимости ярил и лад. Спойлер: абсолютно несовместимы. Даже не знаю, как я справлюсь со своими обязанностями без вашего мудрого совета.

– До вечера, Людмила... – он запнулся.

– Николаевна, – любезно подсказала она. – Но у нас так не принято. Мы же не всякие там госслужащие, чтобы тратить время на отчества. Нам зарплату за протирание штанов не платят. Но трубка уже ответила ей гудками.

Люся пожала плечами и перевернулась в сторону окна.
Смеркалось.

Носов позвонил, когда она ползла по пробкам домой.

– Развлекаешься? – спросила Люся, нетерпеливо ерзая на долгом светофоре.

– Вовсю, – грустно подтвердил он. – Люсь, я от матери убитой. Тебе персональное спасибо за то, что привлекла внимание к этому делу. Показала человека, а не мертвие. И полный комплект проклятий от местных видовиков, потому что убийцы дали деру, прочитав твою статью. Если бы не журналистская халатность, их бы взяли тепленькими, говорят они. Если бы не журналистская хватка, вы бы вообще спустили все на тормозах, говорю им я. Короче, нормальный рабочий процесс – каждый валит вину на другого.

– По крайней мере хоть дело возбудили.

– Эксперты обследовали стройку, нашли место убийства. Кровь, телесные жидкости. Все там, где русалка сказала.

– Быстро они. – Светофор наконец переключился, и Люся тронулась.

– Не поверишь – сам федеральный министр взял под контроль.

– Вот что значит – правильная подача материала, – покивала Люся. – А меня завалили разными письмами: жалеть мертвие все равно что жалеть педофилов, не все после своей смерти становятся русалками, а только самые злобные. Ну и все в таком духе. Обещают отловить меня в подворотне и проткнуть осиновым колом. Можно подумать, хоть кто-то может заранее угадать, как отреагирует на увечья и смерть.

– Забей, – посоветовал Носов, – все равно эта шумиха скоро забудется и все вернется на круги своя. Как только доберусь до номера, накатаю материал. Кстати, это ты посоветовала Ветрову переобуться в прыжке? Или он сам такой умный?

– Я? – обиделась Люся. – Я о нашем тесном сотрудничестве из прямого эфира узнала! Да еще Дед-Дуб трубку не берет. И откуда только свалилась эта пакость на наши головы?

– Как бы это... – опасливо предположил Носов.

– Да, как бы того, – согласилась с ним Люся.

На том и простились.

Хоть они с Ниной Петровной и жили, не запирая меж собой дверей, но в гости к соседке Люся ходила редко. Она безудержно, до дрожи любила свою квартиру. Так не любят самых нежных любовников, как она свои квадратные метры.

Здесь все было, как Люся хотела: сложный фиолетовый на стенах с переходами в лиловый и оливковый, тяжелая антикварная мебель, старомодный бархат с кистями и латунные светильники. Маленькое мещанское счастье одинокой царевны-лягушки. И не царевны вовсе, ибо метафорические стрелы Люся и в наивной юности ловить отказывалась.

Она всю жизнь доказывала себе, что сильнее видовых стереотипов.

И хотя внутренний противный голос нет-нет да и напоминал: где бы ты была, Люсенька, без Великого Моржа, – она давила ростки недовольства собой.

Великий Морж – тоже ее личное достижение. Не каждую встречную студентку тот брал под опеку. А ведь Люся не была ни пылкой ярилкой, ни добрейшей ладой, ни уютной домохозяйкой.

– Потому что мозги имеют значение! – провозгласила она, скидывая пальто и с наслаждением расстегивая сапоги.

Милый дом встретил ее уютной тишиной, тиканьем старинных ходиков в гостиной, запахом средства для мытья полов, оставленным помощницей по хозяйству, которую они делили с соседкой.

Фарфоровый чайник, накрытый расписной бабой, был еще теплым – Нина Петровна позаботилась. Люся без всякого повода прошлась по комнатам, просто радуясь встрече с любимыми вещами и стягивая на ходу многочисленные украшения. Привычно подумала, не позвонить ли Баринову, вспомнила, что лучше пока держаться от него подальше, обругала Великого Моржа, который подкинул так много задач сразу, и решила, что пора выходить на охоту: новый любовник сам собой не появится.

Баринову требовалась замена.

Переодевшись в домашнее платье – мягкий трикотаж, длинные рукава, подол в пол, Люся завалилась на диван, активируя приложение для знакомств.

Отлавливать новых мужчин приходилось через аккаунт школьной знакомой Маши, потому что Люся считала себя слишком публичной персоной и не собиралась давать злопыхателям ни малейшего повода. Чтобы быть такой борзой, требовался идеально чистый бэкграунд. В общем, именно поэтому она не позволила себе вмешаться в судьбу сестры – песочная башня страданного благополучия могла осыпаться из-за малейшей ошибки.

Разить других можно, если только ты свои грешки не прячешь.

И в тот момент, когда Люся уже почти свайпнула вправо блондинистого кимора – был в них определенный сварливый задор, – в дверь позвонили.

– Открыто! – крикнула она, и не думая тащиться в коридор ради Ветрова.

У них был приличный дом с камерами, охраной и консьержем. Из всех ЧП – пролитый в холле апельсиновый сок.

Поэтому густая струя дихлофоса в лицо – это было капец как внезапно.

Глава 4

– Да блин, не стой у меня над душой, тут и без тебя дышать нечем, – старший оперуполномоченный гражданской полиции Шитов все-таки сорвался на Ветрова, но как-то вяло.

На майора ему чин не позволял орать, а хотелось – очень.

Ветров лишь усмехнулся, но не пошевелился, продолжая подпирать плечом стену.

Гражданские издавна не любили видовиков и теперь задавались вопросом: чего, собственно, тут делает целый босс, когда работы для него никакой? Обычная уголовка. Наверняка приперся нервы помотать и изобразить бурную деятельность. Как же, пострадавшая – личность скандальная, и новому начальнику видовиков от нее знатно досталось. Теперь здесь нагнетает и у занятых людей под ногами путается.

И тут в квартиру вошли трое сотрудников Великого Моржа, деловитые, в форме, с корочками, все как полагается.

Наступила звенящая тишина.

Стало так тесно и так натоптано, что Люся забралась с ногами на диван, обхватила себя руками и твердо заявила, что еще раз показания давать не станет.

Когда нападавшие получили тростью по мордасам и сдригнули из квартиры, Люся сквозь слезы и истерику первым делом схватилась за телефон и отправила Зорину несколько голосовых сообщений, спешно кидая тезисы для экстры. На владельца интернет-портала «Город не спит» совершенно покушение. Нападавших двое. Наверняка их привела в ярость публикация Осокиной в защиту прав умертвий. На волне радикальных настроений они проникли в квартиру с целью причинения физического вреда, пытались запугать Осокину и угрожали ей расправой. Получили отпор и бежали с места происшествия. Будем держать вас в курсе расследования.

Потом пришлось объясняться с Ветровым, который, оказывается, как раз поднимался по подъездной лестнице, не дождавшись лифта, когда идиоты-нарушители давали деру. Как бы то ни было, рефлекс у Ветрова оказались правильными – если кто-то бежит, их непременно надо догнать, а потом уже выяснять, кто такие и что натворили.

Он изловил одного, подростка-лесовика. Второго подростка, банника, взяли внизу – постаралась вневедомственная охрана. Консьержка вовремя подняла взгляд от вязания на камеры наблюдения, увидела, как недоросли в лифте надевают балаклавы, и без промедления нажала тревожную кнопку. Вневедомственная охрана вызвала гражданскую полицию, и Люсе пришлось писать показания.

Глаза ее слезились, из носа текло, в горле першило, а физиономия опухла. Нужно было ехать в больницу для освидетельствования, и от этого становилось еще тошнее.

Капитан Шитов ее состоянием проникся и вызвал медицинскую бригаду на дом.

Подростков оформляли на кухне, слышно было, как они ерепятся, отказываются называть свои данные и требуют адвокатов.

Явления эфэсбэшников на рядовое происшествие не ожидал никто.

Меж тем сотрудники Великого Моржа объявили, что юные экстремисты у них давно под присмотром и что они забирают их себе, собственно, как и все дело.

Тут уж взвыла Люся:

– Ничего себе – под присмотром! А какого хрена я от них тростью отбивалась?

– Сильно отбивались? – строго уточнил один из эфэсбэшников.

Люся, от возмущения даже подпрыгнув, съязвила:

– Ну разумеется, кротко и изящно, как и положено интеллигентной женщине.

– Разберемся, – пообещали силовики и отбыли, забрав с собой подростков, у которых и правда проступали синяки на физиономиях.

Еще не хватало огрести за избиение несовершеннолетних, совсем распереживалась Люся, но капитан Шитов, кажется, прочитал ее мысли.

– Не переживайте так, – сказал он, явно пытаясь утешить, – у одного в рюкзаке нашли нож.

Вот это успокоил! Прямо сразу легче стало.

– Э-зачем им нож? – спросила Люся с заминкой и запоздало ощутила, что вот-вот с ней случится истерика.

Адреналиновый прилив сил иссякал, наступало время забраться под одеяло и как следует прорыдаться. Возможно, даже с причитаниями, захлебываясь от жалости к невинно пострадавшей себе.

– Следствие покажет. – Шитов, ответственный яг, посмотрел на нее с тревогой. – Людмила Николаевна, а вы в обморок, случайно, не собираетесь?

– Почему случайно? Очень даже намеренно, – ответила она устало.

Посторонние люди ей надоели, а грязь и бардак в квартире ввергали в отчаяние.

– Идите, – вмещался молчавший все это время Ветров, – я сосед. Пригляжу тут за потерпевшей.

– Что же вы на своей территории такой бардак допустили? – злобно уточнил Шитов, но собрал своих людей и двинулся на выход.

– А бабушка говорила – приличный дом. – Ветров захлопнул за ними дверь, вернулся, поднял с пола перевернутый стул и сел на него, заметив себе под нос: – Странно, что она до сих пор не прибежала.

– У нее страх перед большим скоплением людей, – машинально ответила Люся. – Так бывает, когда сына поймали на коррупции, а внука – на уголовке. Вы что, совсем про нее ничего знаете?

Она тихонько переместилась в лежачее положение, натянула плед и подтянула колени к груди. Ветров невозмутимо смотрел на нее, даже не думая приготовить чай или как-то успокоить. Просто сидел и неизвестно чего ждал.

У Люси булькнул мобильник – пришло сообщение от Великого Моржа. Этот черствый старик не спрашивал, как она себя чувствует, а прислал несколько ссылок.

Два аккаунта на ее портале – оба с кучей клонов – забанены за угрозы и ругань.

Профили в соцсетях – там тот, который банник, жрал на видео сырое мясо и рассуждал о том, что некоторые люди – животные, а все архи и вовсе должны содержаться в зоопарке.

Ученик элитной, мать твою, гимназии.

Значит, люди Великого Моржа пасли-пасли их, да не выпасли.

Люсю затошнило. У нее не было сил разбираться в этом сейчас, и она скинула ссылки тому же Зорину.

Этой ночью ее журналисты лягут спать поздно, раскручивая историю и копаясь в интернете. Впрочем, ребятам не впервой.

«Ты как?» – коротко спросил флегматичный Зорин, и она написала ему, что норм.

Завтра, все завтра.

Ветров, терпеливо ждавший, когда Люся выключит телефон, заговорил:

– Любопытно. Любой арх в минуту опасности перекидывается. Это инстинкты. Но прежде я не встречал таких, кто вместо этого бьет нападавших тростью.

– Ну перекинулась бы я, – огрызнулась Люся, – так башмаком бы и придавили!

– Такое нельзя контролировать.

– А обсуждать столь интимные вещи – можно? Это противоестественно.

– Архи очень редки, – гнул он свое, – вас осталось несколько тысяч, не больше.

– Поистребляли разные гады, – согласилась она.

– Могли ли эти сосунки знать, кто вы?

- Павел Викторович, шли бы вы домой. У меня нет никакого желания с вами возиться.
- Коркора, – напомнил он, – именно из-за нее я пришел.
- Вы пришли слишком поздно. Все на сегодня. Прием окончен, – ее голос дрогнул.

Ветров наклонился вперед, ища Люсиного взгляда, и она ощутила странное давление. Как будто кто-то с силой нажал ей на плечи, принуждая к неподвижности. Она с трудом сфокусировалась на происходящем, не сразу догадавшись, что случилось. А потом до нее дошло: чертово колдовство маренов.

- Вы обалдели, что ли? – произнесла ошарашенно. – Это вообще законно?

– Пользоваться видовыми преимуществами не запрещено. – Он наклонился еще ближе, радужка потемнела, и Люся не могла отвести глаз от его лица. – Вам же никто не мешает перекидываться. Так откуда вы узнали про коркору? – теперь он почти шептал, и спазм сковал ее горло.

Люсе было физически тяжело находиться рядом с ним, хотелось отодвинуться, избежать такого близкого контакта. Но как раз отодвинуться она и не могла. Запертая в своем закостеневшем теле, как в клетке, попыталась набрать воздуха, в глазах потемнело, и тогда марен ослабил давление. Люся чуть отодвинулась, тяжело дыша. Даже несколько лишних миллиметров между ней и Ветровым принесли облегчение.

- Вот сволочь, – выдохнула она, – ну какая же ты сволочь.

– Тебе рассказал о коркоре твой любовник Китаев, – тут же перешел на ты и Ветров. – Чего он хочет?

Уже и про Великого Моржа раскопал! А ей-то казалось, что их отношения надежно спрятаны.

– Не допустить паники, – призналась Люся, у которой больше не было сил на какое-либо сопротивление. – Подготовить город заранее.

- Хм.

Давление исчезло совсем. Ветров отодвинулся, и Люся подумала, что боится его. Сильнее, чем идиотов с дихлофосом.

Сцепив руки, чтобы унять противную дрожь, она пыталась прийти в себя, но слабость путала мысли, а усталость и нервное перенапряжение превращали ее в доступную жертву для ветровских атак.

– А от меня ты хочешь информацию о Соловьевой, – резюмировал он. – Интересно, с чего это ты решила, что я стану прыгать перед тобой на задних лапках? Только потому, что я никак не отреагировал на твои злобные опусы в этой вашей информационной помойке? Думаешь, я тебя испугался?

Люся уже ничего не думала, а просто хотела остаться наконец одной.

- Да иди ты отсюда! – крикнула она. – Не видишь, совсем не до тебя!

И Ветров все же послушался.

- Закрой за мной, – велел он от двери. – Кричи громче, если что.

- Если что – что?

Она выругалась, доползла до коридора и заперлась на все замки. Поставила набираться ванну. Накапала валерьянки, нашла в аптечке успокоительное покрепче, залила все это водкой и поняла, что ее трясет уже с ног до головы.

– Идиоты, – всхлипнула Люся, кое-как заварила чай, но в ванную взяла с собой бутылку водки. – А этот вообще дрянь.

Какой уж тут здоровый образ жизни с такими стрессами.

Погрузившись в горячую воду, Люся вспомнила видео с сырым мясом, и ей снова поплохело.

Что там спросил Ветров? Знали ли эти придурки про ее архаичную форму?

Собирались... Что они собирались сделать, если бы Люся все-таки перекинулась?

Она просто испугаться как следует не успела! В вариантах «бей», «беги» или «замри» Люся всегда выбирала бить, страх приходил позже. Если бы мозг воспринял происходящее как смертельную опасность, то от нее, быть может, уже мокрого места не осталось бы!

Захотелось позвонить Великому Моржу и наорать на него со всей дури. Как он допустил такое?! Или специально? Чтобы набрать больше материалов дела?

Откуда они узнали ее адрес? Как попали в подъезд? Почему были уверены, что смогут проникнуть в квартиру? Откуда эфэбэшники так быстро узнали о произошедшем?

Ничего не помогало – ни капли, ни таблетки, ни водка, ни теплая ванна. Мысли крутились в голове со скоростью взбесившихся суматошных белок.

– Завтра, Люсенька, все завтра, – ласково сказала она самой себе, – сегодня – спать.

И снова заплакала, размазывая по щекам ароматную пену.

– Люсь, а Люсь?

– М-м?

Что-то ледяное коснулось ее век, она вздрогнула и попыталась сбросить это.

– Лежи спокойно, – сказала Нина Петровна, – это ложки. Я их специально в морозильнике заморозила. Рыдала почти всю ночь? Глаза опухшие теперь.

– Имею право и порыдать. – Люся поморщилась, но послушалась. – Есть повод.

У нее было ощущение, будто ее переехал бензовоз. Болела голова, ныла нога, тянуло в груди.

– А вот Дейенерис Таргариен ни за что бы не стала рыдать из-за двух сопляков.

– Ей в лицо дихлофосом не брызгали!

Хотя, если подумать, драконы почти лягушки. Только летают и малость крупнее. Так что Люся сама себе дракарис.

– Если бы я была в тот момент в твоей квартире, смогла бы тебя защитить, – вздохнула Нина Петровна. – Домовики сильны на своей территории. Но я смотрела сериал!

Отбросив в сторону ложки, Люся села на кровати и криво улыбнулась.

– Как я их тростью! Хрясь! Хрясь! Они аж обалдели! Не ожидали, бестолочи! Нина Петровна, я голодна как стая волков. И кажется, со вчерашнего дня стала вегетарианкой.

– Еще чего, – фыркнула старушка. – Люсенька, я закажу на сегодня уборку? Твоя квартира похожа на поле боя.

– Угу.

Люся встала, кряхтя, потерла виски и сказала злобно:

– А лучше бы я вашего внука тростью хряснула.

– Ничего, еще успеешь, – утешила ее Нина Петровна.

Первым делом нужно было встретиться с Великим Моржом.

Остальное потерпит.

Ветров, как и накануне, уже сидел за столом, когда Люся, одетая еще более броско, чем обычно, а и обычно было на грани, вошла в кухню. Хромота усилилась, и каждый шаг отдавался болью в затылке.

– Доброе утро, – холодно произнес он, читая телефон. – Твои журналисты за ночь раздули из крохотной искры целый пожар.

– С утра шарисься по информационным помойкам? – процедила Люся. – Что касается крошечной искры... Хочешь, я тебе тоже брызну дихлофосом в морду? Посмотрим, как тебе это понравится.

– Я принесу, – вызвалась Нина Петровна, – у меня где-то есть.

– Давайте сначала позавтракаем, – милостиво решила Люся и села, поморщившись, на свое место.

Ветров бросил на нее взгляд поверх телефона, отложил его в сторону, достал из кармана флешку и щелкнул по ней ногтями, отправляя по столу. Флешка заскользила по отполированному дереву и пластиковым боком стукнулась о чашку Люси.

– И что это? – спросила она хмуро, хотя догадаться было не так уж и сложно. – Извинения? Не приму. Оставлю себе только флешку.

– Как угодно. – Он пожал плечами и вернулся к овощному суфле.

– Ваш внук, Нина Петровна, – принялась жаловаться Люся, – вчера самым гнусным образом воспользовался моим беззащитным состоянием. Вы можете избавить меня от его физиономии хотя бы за завтраком?

– Так ведь по вечерам, деточка, он еще хуже, – огорченно сообщила старушка.

– Протестую, – возразил Ветров, – это не самое гнусное, на что я способен.

– У маренов черная душа и полное отсутствие моральных принципов. – Нина Петровна сердито отодвинула тарелку и вышла из кухни, совершенно выведенная из душевного равновесия.

Люся посмотрела ей вслед и спросила у Ветрова:

– Почему ты живешь с бабушкой, которая тебя не выносит?

– Не твое дело, – ответил он, тоже поднялся и запнулся о прислоненную к столу трость.

Покрутил ее в руках, разглядывая черного пуделя, утомленно поджал губы, а потом вдруг наклонился и положил руку на Люсино больное колено. Она дернулась и машинально вцепилась зубами ему в плечо, пытаясь прокусить плотную ткань костюма. Сосед охнул, но руку не убрал. Люся сомкнула челюсти плотнее, а потом поняла, что боль в ноге хоть и не ушла совсем, но стала не такой зудящей. И выпустила Ветрова из зубов.

– Вот это, – все еще низко наклоняясь над ней, сказал он, и Люся снова ощутила вчерашний острый дискомфорт от его близости, – было извинением. А теперь мне пора на укол от бешенства.

Ветров направился к выходу, бормоча себе под нос, что собака бывает кусачей только от жизни собачьей.

И Люся осталась одна.

Завтрак явно не задался, но по крайней мере без строгого надзора Нины Петровны она смогла позволить себе огромный бутерброд с маслом и вареньем.

Глава 5

Великий Морж не брал трубку, а его секретарь сообщила, что в ближайшие дни он будет слишком занят, чтобы принять Люсю.

У консьержки ей удалось выяснить, что подростки-идиоты вошли в подъезд через подземный паркинг, откуда на лифте поднялись на нужный этаж. Паркинг открывался с брелка, но у гаденышей он был – консьержка успела сунуться в записи камер, пока их не изъяли, и своими глазами видела, как они им воспользовались.

И это открытие окончательно вывело Люсю из себя. Одно дело – психически неуравновешенные, агрессивные мальчишки, у которых гормональная перестройка. Взбрело им в голову напасть на женщину, схватили что нашли и побежали. И другое – преступники, которые явно готовились.

Совершенно взбешенная, Люся даже не сразу решилась выехать из паркинга – от ярости у нее перед глазами мельтешили разноцветные мухи.

– Надеюсь, – пробормотала она, – что их посадят на веки вечные. Марья, – обратилась она к голосовому помощнику и все-таки тронулась, – расскажи мне о видовом колдовстве маренов.

– Марены, – донесся из динамиков неуместно жизнерадостный голос, – третий по редкости вид. Самыми редкими считаются коркоры лютые, которые в прежние времена умели обращаться огромными ящерами о трех головах, известными в фольклоре как Змей Горыныч. Последние триста лет сведений о появлении огромных ящеров не поступало, и ученым до сих пор неизвестно, утрачена эта способность окончательно или коркоры не пользуются ею, чтобы не быть истребленными. В нашей стране всего шесть легальных коркор...

– Я спросила тебя о маренах, – перебила ее Люся.

– Марены, – бодро откликнулась Марья, – третий по редкости вид. На втором месте стоят архи – то есть те, кто все еще может перекидываться в архаичные формы: животных, птиц или всяких гадов.

– Сами вы гады, – обиделась Люся. – Бесхвостые земноводные вообще-то!

– Еще три тысячи лет назад животный и человеческий мир являлся одним целым, и каждый мог принимать оборотную ипостась и возвращаться обратно. Но потом пришли яги и встали на границах миров. Они охраняли живых от мертвых и мертвых от живых, а также разграничили человеческий мир и животный. В фольклоре они нашли свое отражение в образе Бабы-яги. До нашего времени сохранилось всего шесть архаичных форм: лебедя, медведя, волка, змеи, лягушки и оленя.

– Видовое колдовство маренов! – закричала Люся и укусила себя за губу.

Кричать на нейронку – это, конечно, приятно, но глупо.

– Марены, – Марья снова завела свою волюнку, – третий по редкости вид. Согласно народным сказаниям это дети богини зимы Морены и бога смерти Чернобога. Мрак, мор, марен – слова одного этимологического ряда. За современными маренами до сих пор тянется шлейф страха и ненависти. Считается, что они чрезмерно похотливы, аномально алчны и способны проклясть или навести порчу. Видовое колдовство маренов, как правило, заключается в способности к принуждению и запугиванию. У некоторых особо чувствительных людей слишком долгий и близкий контакт с маренами способен вызвать слабость, тошноту, головные боли и общее ухудшение здоровья.

– А исцелять марены умеют?

– Способности к исцелению других людей очень слабые, и марены неохотно ими пользуются, поскольку это противоречит их натуре. Однако было зафиксировано два подобных прецедента, в обоих случаях маренам пришлось долго восстанавливаться. Зато саморегенерация у них на высоком уровне.

– Долго – это сколько? – заинтересовалась Люся.

– Около четырех недель.

Ну хоть одна хорошая новость! В ближайший месяц Ветров будет беспомощным аки зайка.

Тем и утешившись, Люся врубила музыку погромче.

– Внимание, господа журналисты, вопрос. – Люся влетела в редакцию, впервые за долгое время почти не хромя, и притормозила в центре офиса. – Кто в наше время пользуется дихлофосом?

– Шеф, ты как? – Зорин бросил зевать во весь рот и изобразил нечто, отдаленно похожее на тревогу.

Он ложился спать в восемь вечера и просыпался в четыре утра, поэтому бессонная ночь еще больше притормаживала ворчливого флегматика.

– Прекрасно, – язвительно отозвалась Люся, – лучше не бывает. Просто всем на зависть.

– Про дихлофос мы дали дополнение в четыре утра, – недовольно буркнул Леня Самойлов, до смерти надоевший Люсе племянник Великого Моржа. – Ты до сих пор не читала? Спала в свое удовольствие, пока мы вкалывали?

Вспомнив, как ее перетрясло вчера, а еще – отвратительное давление Ветрова, Люся поняла, что все. Больше она терпеть не может.

Великий Морж сам виноват: надо было держать своих экстремистов подальше от нее и отвечать на звонки.

– Вот что, Ленечка, – произнесла она с угрожающей нежностью, – напиши ты мне, милый мой, заявление по собственному и выметайся отсюда.

– Обалдела? – Он некрасиво разинул рот.

Тут даже Зорин проснулся и переглянулся с тихой Машей Волковой, которая по такому случаю осторожно стянула наушники. Они оба переводили глаза с шефа на Самойлова, а их пальцы торопливо стучали по клавиатуре – владения методом слепой печати Люся требовала от всех своих сотрудников. Журналисты всегда журналисты, и теперь они автоматически вели репортаж с места событий в одном из закрытых от начальства рабочих чатов.

– Самойлов, давай без митингов, – устало сказала Люся. – Не вынуждай меня звонить юристам и просить их искать веские причины. Мне надоело переписывать твои тексты, извиняться за твое хамство и платить по судам.

– На Носова чаще в суд подают!

– Носов на каждую цифру и букву готов предоставить все фактчекинги, – рявкнула Люся, – а ты берешь свои данные с потолка.

Уязвленный едва не до слез Самойлов покрылся некрасивыми пятнами.

И это он еще не знает, что за него просил дядя, а то совсем обнаглел бы.

Желание сделать какую-нибудь гадость Великому Моржу стало таким острым, что у Люси даже нос зачесался. Считалось, что у архов ее вида развиты женская мудрость и интуиция и что они способны помочь сделать карьеру любому мужчине – не тужи, поспи, утро вечера мудренее и прочая хрень. Люся за собой такого ни разу не наблюдала, но теперь задумалась: может, желание напакостить Великому Моржу – это она и есть? Вековая женская мудрость?

– Ты просто перетрусилась вчера, – прервал ее жалкие попытки самоанализа Самойлов, – вот на мне и срываешься. Пойду-ка я, пожалуй, в отпуск на недельку. Как раз перестанешь истерить.

Был бы Носов в редакции – выставил бы поганца в два счета, всякий приличный кимор обожает свары и драки. Но ни интеллигентный боян Зорин, ни тихая домовиха Волкова к скандалам приспособлены не были, а Люсе не хотелось пачкаться.

Надо взять марена в штат, пусть запугивает всех неугодных.

Наклонившись над рабочим столом Самойлова, Люся оперлась о поверхность обеими руками и, хищно улыбнувшись, велела:

– Ступай-ка ты, Леня, в бухгалтерию и отдай заявление по собственному. Иначе, клянусь, я дам тебе такую рекомендацию, что тебя даже в самую желтую газетенку никто не возьмет.

– Ну и дрянь же ты, Люся, – выплюнул он, вскочил, едва не опрокинув монитор, дернул с вешалки свою куртку и вышел, оглушительно хлопнув дверью.

Старенький дом застонал от возмущения.

– Так, – Люся сделала глубокий вздох, – что там с дихлофосом?

– Один из наших подписчиков, продавец в хозяйственном, вспомнил, что две недели назад двое подростков купили у него дихлофос. Он еще удивился, на фига им, – торопливо сказал Зорин.

– Две недели назад, – глухо повторила Люся. – Значит, наше интервью с русалкой тут ни при чем.

– Угу.

– Есть информация по этим уродам?

– Ну, – это заговорила Волкова, – тот, который жрал на камеру сырое мясо...

– Банник.

– Ага. Сын министра.

Люся оглушительно фыркнула.

– Алло, это прачечная? Пердячечная! Министерство культуры, – процитировала она древний анекдот и села на опустевший стол. – И министр чего у нас мама или папа?

– Образования, – иронично ответил Зорин.

– А потом говорят, что мы плохие и обижаем хороших чиновников на ровном месте. – Люся взмахнула тростью, как мечом. – А мы что? Мы ничего. Примус починаем. Что еще важного удалось выяснить?

– Второй – сын мелкого бизнесмена, ничего интересного. Мальчики малость психи, судя по их постам. Наши юристы сообщили, что на них еще три месяца назад был запрос сама знаешь откуда.

– Ответили?

– Согласно законодательству. Родители одноклассников пишут, что неоднократно обращались к директору их элитной гимназии с требованием оградить детей от этих неуравновешенных и опасных отроков. Директор никак не реагировала.

– Мама минобр – это аргумент, конечно. С директором созвонились?

– Так не успели еще, Люсь. Носов в командировке, а Самойлова ты выставила. Пашем, как рабы на галерах.

– Я сама позвоню, – кивнула Люся, – потычу еще палочкой в полицию и силовиков. Арбайтен, пупсики. Про обычную текучку не забываем.

– Если мы станем умертвиями от ранней и обидной смерти на рабочем месте, ты будешь защищать наши права? – кротко спросил Зорин.

Люся послала ему воздушный поцелуй и отправилась к себе.

До позднего вечера ей было некогда поднять голову от компьютера. Она редко впрягалась в работу на уровне исполнителя, но сейчас в редакции действительно не хватало рук. Ну и голов, что уж там.

Она позвонила директору гимназии, где учились ее дихлофосчики, и выслушала длинную гневную тираду о том, что интернет-портал паразитирует на неустойчивой подростковой психике и делает только хуже, поскольку широкая огласка может привести «запутавшихся школьников» к нервному срыву.

– А как же мой нервный срыв? – изумилась Люся.

– Вы лицо заинтересованное и необъективное, поэтому должны держаться от этого дела подальше, – заявила директриса и бросила трубку.

Вот тебе и на!

Тут на связь вышел Носов, все еще пребывающий в командировке в городе, где изнасиловали, убили и превратили в русалку хорошую девочку Лену Афанасьеву, и сказал осторожно:

– Шеф, а ты фамилию лесовика видела? Который не сын министра.

– Ну Баринов.

– Не ну Баринов, а сын твоего Баринова. Аптекаря.

Люся не стала спрашивать, уверен ли Носов в этой информации. Он всегда был уверен и всегда излагал голые факты.

Значит, второй нападавший – сын ее любовника, которому Великий Морж предрекал большие неприятности с законом.

Этого только не хватало.

– Ты когда обратно, Кость?

– Завтра приеду. Насильников и убийц изловили и закрыли, к ним меня не пустят. Пока следственные действия, пока суд – это надолго. А ты, я слышал, журналистами направо-налево разбрасываешься.

– Да достал меня этот Самойлов!

– Ага. Обиженный банник – как раз то, чего тебе не хватало для полного счастья.

Люся хмыкнула.

Если бы она спросила голосового помощника Марью о банниках, та рассказала бы ей: этот вид настолько распространен, что никто и не считает, сколько этих поганцев по миру расплодилось. Чаще встречались только домовики, пожалуй.

Много столетий не было в крестьянском дворе никого страшнее и коварнее банника, как не было места опаснее бани. Недаром, входя внутрь, люди снимали крестики и обереги – ведь они попадали в обитель воды, принадлежащей миру мертвецов. В банях обнажались, грешили, рожали, сбрасывали с себя грязь, в бани приходили гадать. И в вихрях всей этой энергии распрекрасно чувствовали себя зловредные существа, обожающие обрызгать горячей водой, напустить угару, содрать кожу, подменить оставленного без присмотра ребенка на пучеглазого заморыша или уходить кого-то до беспамятства.

Банников задабривали, оставляя после себя только чистую воду и веники, а потом перестали, уверовав в канализацию и ванны. И тогда банники вышли в мир и стали жить вместе с людьми.

А Люсе теперь страдать из-за возможной мести обиженного Лени Самойлова?

– Возвращайся быстрее, – попросила она Костю Носова и едва опять не заплакала от того, что огромный и злой мир пытался сожрать маленькую Люсю Осокину.

Пришлось вытаскивать Лешу Баринова из черного списка в телефоне: двадцать три пропущенных и сорок пять сообщений.

Прелестно.

– Люся, ты охренела?! – сразу завопил Баринов, ответив на первом гудке. – Я на тебя в суд подам за раскрытие персональных данных моего сына на твоём портале! Ты что себе вообразила? Что за семнадцатилетних мальчишек некому вступиться? К твоему сведению, они несовершеннолетние.

– К твоему сведению, – перебила его Люся, – эти мальчишки пришли ко мне с ножом!

– А ты не понимаешь, какой у них возраст?

– Леша, – рывкнула Люся, – ты эти душешипательные аргументы судье приводи! А мне будь добр объяснить, какого икса твой сын напал на меня в моей собственной квартире!

– Что это еще за слово такое – напал? Ты же журналист, должна выбирать выражения. Пришел поговорить и немного вышел из себя.

– Ты серьезно? – грустно спросила Люся. – Так себя будешь вести? Он знал о наших с тобой отношениях?

– Мой сын – лесовик. Им тяжело среди людей, это огромное давление...

– Ну так и перевел бы его в сельскую школу. Я тут при чем?

Баринов помолчал, тяжело дыша в трубку.

Тоже банник, между прочим, как и Самойлов. И почему бы Люсе не найти себе хозяйственного домовика, пылкого ярила или ответственного яга? Что ее тянет вечно не пойми на кого?

– Не было у нас никаких отношений, – открестился Баринов. – Так, минутное увлечение. Ты ко мне липла, ну а я – мужчина.

– Твой сын об этом знал? – переспросила Люся, твердо намеренная не реагировать на провокации.

Она знала, что ее хахаль недавно развелся и что сын его живет теперь с матерью. Мог ли бестолковый подросток решить, что это Люся виновата в разводе родителей?

– Понятия не имею, – огрызнулся Баринов. – Ребенок со мной уже полгода не разговаривает.

– Высокие отношения, – насмешливо уколола она, сбросила вызов и вернула контакт в черный список.

Снова позвонила Великому Моржу и еще раз выслушала предложение оставить голосовое сообщение.

Потом попыталась выяснить новости о расследовании у пресс-службы ведомства, но там стояли насмерть: пока сообщить СМИ нечего. Пострадавшим – тем более.

– Уйду жить на болота, – пообещала себе Люся, – подальше от всяких козлов.

Домой она вернулась только к десяти вечера и долго сидела в машине, не решаясь покинуть безопасный салон и выйти в запятнавший свою репутацию паркинг.

В окно постучали, и Люся крупно вздрогнула, едва не ударив по газам.

Снаружи стоял Ветров – такой же усталый, серый, как и она.

– Медитируешь? – уточнил он, когда Люся чуть-чуть опустила стекло.

Она вздохнула и выбралась из машины. Направляясь к лифту, заметила:

– Поздновато домой приходишь, товарищ майор.

И только тогда сообразила, что так и не открыла записи на флешке. Не до того ей было.

– На себя посмотри, – буркнул Ветров.

Люся вошла в кабинку и забилась в самый дальний угол. Ничего, ее верная трость все еще при ней.

– Слушай, – спросила она, потирая глаза от усталости и не боясь испортить макияж, почти дома же, – а у тебя нет брата? Такого же неприятного и пугающего, как ты?

– А тебе с какой целью?

В ярком освещении она поймала немилосердное отражение в зеркале: весь возраст как на ладони.

Ботокс вколоть, что ли?

– Хочу завести злобного сотрудника, чтобы люди от него шарахались, – честно ответила Люся.

– Заведи собаку, – усмехаясь, посоветовал Ветров.

– Чтобы она меня сожрала, если я перекинусь?

– Господи, – он скривился, – Люся тридцать три несчастья.

Лифт тихо тренькнул, двери плавно разошлись в стороны.

Она лишь на мгновение замешкалась, прежде чем вставить ключ в замок.

– Зайти с тобой в квартиру? – равнодушно спросил Ветров, наблюдая за ней.

На секунду захотелось ответить согласием, но Люся вспомнила, как плохо ей было вчера под тягостным колдовским давлением.

– А Нина Петровна? – спросила она, остановившись на пороге. – Ей тоже от тебя плохо? Как вы вообще рядом с другими людьми живете?

– Другие, – пожал он плечами, – не реагируют так резко. У каждого свой порог чувствительности.

Вот поэтому марены предпочитают ярил – потомство Ивана Купалы же, им любая нечисть хоть бы хны.

– У всех способности как способности, – огорченно пробормотала себе под нос Люся и наконец вошла в квартиру.

Здесь пахло чистотой и базиликом. Нина Петровна под сериал вязала огромный кигуруми.

– Люсь, а Люсь, – позвала она, – а если бы Шерлок Холмс и Эркюль Пуаро расследовали одно преступление наперегонки, кто бы победил?

– Мисс Марпл, – ответила Люся уверенно и принялась стягивать высокие сапоги.

Глава 6

В идеальном мире Люся сладко проспала бы до самого утра, наслаждаясь приятными сновидениями, но в реальном проворочалась в постели несколько часов, а стоило едва-едва задремать, бренькнуло уведомление телефона.

Великий Морж напоминал, что будет через пятнадцать минут.

В эту квартиру он заходил лишь однажды, сразу после ее покупки, предпочитая встречаться на нейтральной территории – тайных хатках, оформленных черт знает на кого. За годы их отношений Люся привыкла и к чужому постельному белью, и к незнакомым душевым, и к безликости необиженных кухонь. Со временем такое положение дел ей даже стало нравиться: посторонних в своем доме она выносила все хуже.

И завтраки с Ветровым вот-вот грозили перерасти в огромную проблему.

Прочитав сообщение, Люся подавила в себе порыв броситься в гардеробную, чтобы нацепить что-то поэротичнее. Вряд ли Великий Морж ехал к ней за любовными утехами, так что обойдется теплой пижамой. Поэтому она повернулась на другой бок и принялась ждать, не гадая о причинах столь странного визита. Что толку задаваться бессмысленными вопросами, если ответы на них она и так скоро получит.

Наконец в дверь тихо постучали – Великий Морж, как и ее дихлофосчики, вошел в подъезд, не пользуясь домофоном.

Меланхолично выругавшись, Люся пошла открывать: сначала прилежно полюбовалась на хмурю физиономию старого арха с экрана и только потом отщелкнула замки.

– Привет. – Он закрыл дверь, клюнул Люсю в щеку и, не разуваясь и не раздеваясь, прошел в гостиную.

Был Великий Морж уставшим, сумрачным и таким чужим, что она ощутила непривычную робость и осторожно спросила:

– Чаю? Хочешь есть?

Он мотнул головой, отказываясь от всего сразу, грузно сел на диван и, без особого интереса оглядевшись по сторонам, рассеянно заметил:

– Уютно тут у тебя стало.

– Олег, – попросила Люся напряженно, – давай сразу к делу.

– Давай, – сухо согласился он. – Этот фармацевт, Баринов, знал твою архаичную форму?

У Люси тут же пересохло в горле – слишком велико было табу на подобные разговоры.

Запрет разглашать свою архаичную форму вышел еще в XVII веке и с тех пор неукоснительно соблюдался. В конце концов, это был вопрос выживания вида. Конечно, архи чувствовали друг друга, особенно низшие – высших. Впрочем, низшие архи вообще легко отличали все виды, этакий бонус за беззащитность. Остальные могли только догадываться, кем оборачивается вторая половина – нежным лебедем или злобным волком, способным нырнуть по ту сторону бытия, в мир мертвецов.

– Да нет, – ответила она растерянно, – откуда ему? Баринов всего лишь банник.

– А вот его сын точно знал. Твои гости, Люсенька, ожидали, что ты перекинешься, а не начнешь отбиваться тростью. Ножичек-то у них при себе был медицинский.

– Меня собирались... препарировать? – Одно это слово вызвало озноб в позвоночнике.

Люся покачнулась, ухватилась за шкаф и попыталась дышать глубоко и ровно, чтобы побороть нахлынувшую тошноту.

Препарация лягушек была строжайше запрещена – как и охота на волков и медведей, уничтожение змей, стрельба по лебедям и оленям. Ведь никогда не угадаешь, обычное перед тобой животное или перекинувшийся арх. Однако в сороковых годах прошлого века некие сумасшедшие ученые активно использовали лягушек в своих биологических опытах – все из-за

того, что расположение внутренних органов этих земноводных очень схоже с расположением органов человека. Потом этих ученых пересажали, а кого-то и расстреляли, а история обрела вторую жизнь в ужастиках и хоррорах.

– Ты же не думаешь, что наше ведомство будет следить за малолетними придурками, врывающимися с дихлофосом к женщинам? – Великий Морж смотрел с сочувствием. – Люся, у нас шесть мертвых архов по области за последний год.

– И все как я? – спросила неверяще.

– Самые беззащитные, – кивнул он, – лягушки и змеи, вернее ужи, к кобрам и гадюкам не суются.

– Но... значит, все хорошо? Вы задержали преступников? – с надеждой спросила Люся.

– Этих – да. Но могут прийти новые. Кто-то ищет психически неустойчивых подростков в интернете и натравливает их на архов.

– Ты уверен? – спросила Люся подавленно. – Может, Баринов-младший все же из личных мотивов?

– Может, и из личных, – не слишком-то уверенно согласился Великий Морж, – тогда вопрос: откуда он знает о дихлофосе? Мы не раскрывали подробности серии, но в каждом случае был использован какой-нибудь инсектицид от насекомых. Полагаю, бренд не столь важен, тут главное символизм.

– Таких совпадений не бывает, – сердито сказала Люся. Злость всегда была лучшим помощником, когда накрывала паника. – Я сплю с его отцом! И тут бах – случайное нападение на первую попавшуюся арху? Ты сам в это веришь?

– Не на первую попавшуюся, – возразил Великий Морж, – они точно знали, в кого ты перекинешься. А ведь этих данных даже в поликлинике и паспортном столе нет. Однако ко мне, например, никто с морилкой не прибежал и не прибежит.

– Ну да, – пробормотала она, – попробовали бы они... Ты бы их задрал, не моргнув глазом.

– Я подростков не задираю, – веско обронил Великий Морж, – даже больных на всю голову.

Адреналин уже поступил в кровь, и теперь Люся не могла оставаться на месте. Она была в панике.

Ей нужно было в укрытие. Забраться в какое-нибудь теплое, влажное, темное, тесное место. Ей нужно было перекинуться, чтобы справиться с истерикой, которая вот-вот захлестнет ее с головой.

Она прошла по комнате, тяжело припадая на большую ногу – трость осталась в спальне, и ядовито спросила:

– И какого черта, если ты такой умный и все знал, они все-таки ворвались сюда? Почему ты меня не защитил?

– Во-первых, мы не были уверены, собираются ли эти подростки на полном серьезе напасть конкретно на тебя. Нижние архи редки, но ты не одна такая в области. Мы за ними приглядывали, но только в рамках профилактической работы.

– Профилактировали, профилактировали, да не выпрофилактировали, – огрызнулась она.

– Во-вторых, – тяжеловесно продолжал Великий Морж, – мне казалось, что я предпринял все меры для твоей безопасности. Специально выдернул сюда Ветрова, дал повышение, пообещал подполковника. Ему всего-то и надо было, что поселиться со своей бабкой, раз уж она так удачно живет по соседству, и приглядывать за тобой. А Ветров, мальчишка, ожидал нападения в какой-нибудь подворотне, не дома – потому что первые шесть нападений именно там и происходили. Снаружи за тобой приглядывает ЧОП, в квартире – нет.

От возмущения у Люси даже страх отступил.

– А никого приличнее у тебя не нашлось?! – завопила она. – Какого-нибудь отважного, хорошо воспитанного яга? Зачем ты мне подсунил бесполезного марена?

– Он будет полезнее, – твердо пообещал Великий Морж. – Теперь от твоего благополучия зависит вся его карьера. Повисли погоны буквально на тонкой ниточке.

– Как это – на ниточке? – снова перепугалась Люся.

– Все будет хорошо, – голосом опытного политика проговорил Великий Морж.

– Да ну? – фыркнула она злобно.

Похоже, надо купить трость потолще. И желательнее с электрошоковым эффектом.

– Я уволила твоего племянника, – мстительно сообщила Люся, которая безо всякого повода злилась на Великого Моржа.

Умом понимала, что не он убивал архов и не он напал на нее со скальпелем в рюкзаке, однако злилась, и все тут. Какой толк от влиятельного любовника, если в ее дом вламывается всякая шантрапа?

Великий Морж скорбно вздохнул.

– Значит, теперь Леня начнет обивать мой порог и ныть, чтобы я пристроил его в какую-нибудь пресс-службу, – сказал он, вставая, однако больше ворчать не стал.

Чувствовал, поди, свою вину – как ни крути, недосмотрел он за Люсей, и нечего на Ветрова пенять.

– Надо ли говорить, – Великий Морж обнял Люсю уже в коридоре, успокаивающе глядя по волосам и плечам, – что это все не для печати? Не мешай нам спокойно работать, пожалуйста.

– И какая официальная версия?

– Официальная версия – дети-идиоты. Что, впрочем, тоже правда.

Закрыв за ним дверь, Люся поняла, что ей капец как страшно.

Она прошла по квартире, повсюду включая свет и заглядывая в каждый угол. Каким надо быть психом, чтобы убивать нижних архов? Что это? Личная обида? Неизвестного маньяка бросила мамочка? Мания величия? Какого-нибудь сбрендивший марен? Или это снова нави, которые в XVI веке объявили архам настоящую войну?

Очень хотелось перекинуться, стать маленькой и незаметной, чтобы ни один злодей не нашел. Но уж слишком беззащитна ее архаичная форма, даже тростью от злоумышленников не отбиться.

В любимых сериалах Нины Петровны героини никогда не трусили. Им говорили: детка, за тобой охотится хитроумный убийца, который трижды бежал из тюрьмы. Пожалуйста, не ходи одна по улицам. И героиня тут же бежала в самый темный переулок, где потом боролась с убийцей и побеждала его.

Люся в целом тоже не считала себя трусихой. За годы владения интернет-порталом ей чем только не угрожали: и налоговой, и бандитами. Это была часть работы, неприятная, но привычная. Но никогда прежде она не оказывалась в роли настоящей, всамделишной мишени. Теперь целью было не запугивание наглой Осокиной, а ее физическое уничтожение. И к такому кошмару Люсю жизнь не готовила.

Покрутившись еще немного по квартире, поняла, что так дело не пойдет. Она просто сбрендит, прислушиваясь к каждому шороху и вздрагивая от чужих шагов в подъезде.

Схватив телефон, Люся торопливо набрала Ветрова. Он был, безусловно, злом, но в данной ситуации – злом меньшим.

– Паш, – сказала как можно спокойнее, – ты можешь зайти ко мне прямо сейчас?

– Ладно, – коротко ответил он, ни о чем не спрашивая.

Спустя несколько минут хлопнула дверь Нины Петровны.

Люся, не отлипавшая от экрана, на который шла картинка с камер на площадке, быстро открыла и втащила Ветрова внутрь. Снова защелкнула все замки. Отдышалась.

Черт, так и до психушки недалеко.

– Здорово тебя Китаев напугал, – заметил Ветров, насмешливо наблюдая за Люсиной суетой.

Значит, тайный визит не остался без его внимания.

– Так, – она развернулась к нему и тут же отдалилась на несколько шагов, памятуя о том, что рядом с ним ей становится плохо, – с этого дня ты спишь у меня на диване.

– Ой-ой-ой, как быстро ты меня из сволочей переписала в защитника сирых и убогих.

– Как только узнала, что ты делаешь карьеру за мой счет, – рывкнула Люся. – Хочешь новые звездочки – защищай меня как следует, а не спустя рукава. А я-то все гадала, откуда ты так много знаешь! И про мою архаичную форму, и про Китаева, и вообще. А ты просто получил допуск к делу о серийных убийствах, да? И как с этим вяжется то, что ты на мне свои колдовские штучки практиковал?

– Серия – это одно, а коркора – это другое, – лениво ответил Ветров, на которого эта речь не произвела особого впечатления. Он сбросил тапочки, похожий в спортивном домашнем костюме на гопника из подворотни, прошел в гостиную. – Подушку выдашь, или я буду терпеть лишения из-за твоего скверного характера?

– Выдам, – расщедрилась Люся и пошла в гардеробную, где хранила постельное белье. – А когда Китаев тебе предложил повышение в обмен на мою защиту, ты в полной мере оценил шутку судьбы? Та самая журналистка, из-за которой в городе каждая собака знала про твои грешки?

– Плевать я на тебя хотел. – Голос Ветрова звучал глухо, потому что Люся нырнула в шкаф. – Думаешь, ты первая стерва, которая делает себе имя на чужой ошибке? Меня разве селило только то, что ты ничем не лучше моего отца.

– То есть? – опешила она, сгребая в охапку одеяло и подушку.

– То есть ты месяцами писала о том, что он использует свое положение в личных целях. И сама поступаешь точно так же, используя Китаева. Ну и меня в качестве личного телохранителя, потому что я в зависимом положении.

– Ветров, ты совсем совесть потерял? – скорбно спросила Люся, прилепав со всем добром в гостиную. – Во-первых, я Китаева ни о чем не просила...

– Во-вторых, прямо сейчас ты очень охотно пользуешься его властью, – ехидно перебил ее Ветров. Выдернул из вороха белья в ее руках простыню и начал стелить себе на диване. – Все люди поступают одинаково, когда припечет. Кто знает, может, я послан тебе, чтобы избавить от высокомерия, заносчивости и гордыни?

Люся вдруг поняла, что за перепалкой совершенно забыла, что нужно бояться, и уточнила без особой надежды:

– У тебя хоть табельное оружие с собой?

– Вряд ли оно сегодня понадобится. Если, конечно, ты не решишь среди ночи отходить меня своей убийственной тростью от переизбытка чувств.

– Ты и прошлый раз думал, что ко мне не вломятся. Ну и кто теперь в дураках?

– Люся, не выноси мне мозг, – повысил он голос, забрал у нее подушку и одеяло и плюхнулся на диван. – Спокойной ночи, принципиальная ты наша.

Но Люся так просто успокаиваться не собиралась и спросила подозрительно:

– А ты чутко спишь?

– На кваканье проснусь, – заверил он ее, закрыв глаза.

– Да чтоб тебя, – ругнулась Люся, – и не вздумай бродить ночью по квартире!

– Буду лежать себе смирно. Если тебя придут убивать, прикинусь мертвым.

Да какой он защитник!

Сволочь и есть.

- Люсь, а Люсь.
- М-м?
- В твоей гостиной спит какой-то мужик.
- Это ваш внук, Нина Петровна.
- Соседка охнула.

Люся неохотно открыла глаза – за окном было еще темно, позднее осеннее солнце не спешило выбираться из-за облаков. Но даже в этом вязком утреннем мареве ночная истерика показалась постыдной и глупой. Будто Люся была кисейной барышней, нуждающейся в защите мускулистого самца.

Кисейной барышней Люся становиться не собиралась.

– Он и к тебе в квартиру просочился, – всплеснула руками Нина Петровна, – ну какой проныра! Мне он тоже поначалу заливал, что приехал навестить старушку, а сам поселился – и не выгонишь.

– Все гораздо хуже, – уныло призналась Люся, – я его сама позвала.

– Но зачем? – изумилась Нина Петровна.

Потрясающе, но самая очевидная причина, по которой одинокая женщина приглашает к себе на ночь мужчину, ей даже в голову не пришла.

– Приступ неконтролируемой тревожности, – мрачно ответила Люся. – После нападения я стала бояться оставаться одна.

– Вот что, милая моя, – оживилась Нина Петровна, – тебе надо завести себе какого-нибудь симпатичного неженатого яга.

– Ну какие мне яги, когда я даже на терапию для ноги не успеваю.

– Передай мне свой аккаунт, – деловито предложила старушка, – я сама подберу тебе кандидатов. Или поручи своей секретарше.

– Только не Ольге, – ужаснулась Люся, – она у нас грезит ярилами. Остальных просто не воспринимает как полноценных ухажеров.

– Ах, ярилы, – мечтательно улыбнулась Нина Петровна, – сколько романов я прочитала о том, как они становятся верными семьянинами вроде ладов.

– Потом расскажете. – Люся выбралась из-под одеяла. – Сейчас мне надо найти где-нибудь свою самооценку.

В душе она так старательно себя убеждала, что ну ерунда же, было бы перед кем испытывать неловкость. Подумаешь, Ветров. Велика фигура. Всего лишь неудачник-полицейский, который не может самостоятельно построить карьеру, ни перед кем не прогибаясь.

К завтраку Люся вышла уже в таком воинственном настроении, что у Ветрова, смиренно ждущего за столом, глаза на лоб полезли.

– Это еще что за готика? – спросил он.

Ну, может, черная помада и жирная подводка для глаз – все-таки перебор. Зато никто не упрекнет Люсю в кисейности.

– Тебе-то какое дело? – буркнула она, опускаясь на свое место.

Тыквенное суфле.

Нина Петровна не уставала бороться за правильное питание. Порой она напоминала Дон Кихота с пресловутыми ветряными мельницами.

– Это профессиональный интерес, – вежливо объяснил Ветров, – мне всегда интересны новинки в области отпугивания и запугивания людей.

– Нина Петровна, – завопила Люся, – ваш внук меня обижает!

– Будешь плохо себя вести, – тут же сказала ему старушка, – останешься без завтрака.

– Да, – иронично протянул Ветров, скептически рассматривая суфле, – это была бы трагедия.

Глава 7

В паркинг они спускались вместе, и Люся запоздало поняла, что лучше бы ей было выбрать лестницу. В тесной кабинке лифта Ветрова стало вдруг слишком много, и она невольно отодвинулась в дальний от него угол, стараясь дышать равномерно.

Сейчас он не давил на нее намеренно, но то ли воспоминание о перехваченном спазмом горле и вынужденной пугающей неподвижности играло с ее психикой дурную шутку, то ли Люсе просто было не по себе рядом с мареном, даже если он и гасил свои видовые способности.

– Плохо? – спросил Ветров, тоже отодвигаясь в противоположный угол.

– Терпимо, – ответила коротко, – неприятно просто.

Он смотрел на нее с холодным любопытством, без всякого сочувствия, но и без злорадства, и мрачная усмешка относилась вовсе не к Люсиному самочувствию, а к ситуации в целом.

Тихо звякнул лифт, мягко раскрывая двери, и Люся с облегчением шагнула в просторный паркинг, опираясь на трость сильнее обычного.

Ветров позволил ей отдалиться на несколько шагов, прежде чем пойти следом.

– Этим утром, – донесся до Люси тихий и задумчивый голос, – я не слышал, как бабушка вошла в твою квартиру, хотя обычно всегда просыпаюсь от ее шагов.

– И? – Она с недоумением повела плечами, дошла до своей машины и обернулась. – Что здесь такого?

– Домовики всегда привязываются к месту, и моя бабушка считает домом твою квартиру, а не свою. Ее способности работают у тебя, а не у себя.

– Домовики привязываются еще и к людям, – сердито напомнила Люся, – у них высокая потребность о ком-то заботиться, без этого они чахнут и болеют. Как вы могли бросить Нину Петровну совсем одну?

– А кто приложил все усилия, чтобы меня посадили, а отца сняли с должности?

Люся стиснула голову пуделя на набалдашнике, ощутив вдруг бешеное желание обрушить трость на этого мерзавца.

– Не я, – отчеканила она, – вливала в тебя водку и сажала за руль! Не я давала взятки направо-налево! Нечего на зеркало пенять!

– Кривовато зеркальце-то, – усмехнулся Ветров.

Люся шагнула вперед, нарушая все границы, которые твердо собиралась сохранять между ними, приблизилась так плотно, что могла бы и трость поставить ему на ногу, едва ли не упершись носом в его нос, ощутила мятное дыхание на своем лице и уставилась в масляное марево узких глаз, чей цвет уплывал и все время менялся, оставаясь неуловимым.

– Вы с отцом, – повторила она, – бросили одинокую больную старушку в плену ее фобий и страхов, и я искренне надеюсь, что Нина Петровна никогда тебя, поганца, не примет и не простит.

Она ожидала в ответ удара темной колдовской силой, которая вихрилась в глубине тумана, заменявшего Ветрову радужку, но тот только сделал несколько шагов назад и процедил раздраженно:

– Вот идиотка... Куда ты лезешь? Садись в машину, проеду с тобой до твоего офиса.

И Люся поняла, что задыхается, как будто воздух вокруг разределся.

– Пришли мне для охраны, – прерывисто велела она, – молодого смазливового ярилку. Пусть хоть он взгляд порадует, раз уж быть рядом с тобой – пытка какая-то.

– Мои сотрудники не мальчики для развлечений, – ровно ответил Ветров.

– Это уж мне решать, – фыркнула Люся, рывком открывая дверь автомобиля. – Твое дело – выслужиться до новых погонов.

Ветров развернулся и направился к своей машине, а она изо всех сил вцепилась в руль.

Подташнивало и потряхивало.

Паркуясь на небольшом пяточке возле офиса, Люся увидела автомобиль Барина. Любовничек приехал скандалить? Угрожать? Уговаривать? Подкупать?

Она не торопилась выходить, мысленно просчитывая варианты этого разговора. Достала из бардачка газовый баллончик, покрутила его в руках, закинула обратно. Нет, эту дрянь в офисе распылять чревато, рыдай потом целый день.

В окно постучали – Ветров, следовавший за ней всю дорогу как приклеенный, проявлял нетерпение.

Она опустила стекло.

– Вылезай, – сказал он спокойно, – я тебя провожу.

– Уж с Баринным я и сама справлюсь!

– Зачем же самой, – удивился он, – когда у тебя есть кукла на веревочках.

Люся хмыкнула и выбралась наружу. Холодный ветер ударил в лицо, взметнул шарф, бросил за шиворот колких дождинок.

– Китаев сказал, – ежась, проговорила она, – что у Барина впереди уйма неприятностей. Он попал в поле зрения органов, когда проверяли его сыночка?

– Возможно.

– Ох уж эти детки, – притворно вздохнула Люся. – Вот и твой отец все еще был бы при власти, если бы не избалованный отпрыск...

– К счастью, – подхватил Ветров, – тебе это не грозит. В каком болоте найти дурака, который захочет детей от женщины столь непереносимых достоинств?

И Люся все же не удержалась, оступилась, тростью пригвоздив его ногу к мокрому асфальту. Ветров скривился, а она ойкнула, извинилась и поспешила внутрь, навстречу всем гадостям, которые приготовил ей день грядущий.

Барин, дерганый, плохо выбритый, с кругами под глазами пил кофе в приемной, а секретарша Ольга хлопотала вокруг него, улыбочиво щебеча. Она еще не знала, что этот начальственный хахаль получил статус бывшего, и старалась изо всех сил.

– Ну привет, – буркнула Люся, промаршировала мимо и приглашающе распахнула дверь в свой кабинет.

– Привет, – с угрожающей ленцой согласился Барин и зашел внутрь.

Ольга вытаращила глаза, мгновенно заподозрив неладное. У боянов был нюх на любовные мелодрамы. Впрочем, ничего спросить она не успела: в приемной появился Ветров, молча кивнул и тоже прошел в кабинет.

Люся успокаивающе подмигнула озадаченной Ольге и закрыла дверь.

– Вы еще кто? – недовольно спросил Барин.

– Ветров, начальник видовой полиции.

– О, это кстати. Люся как раз хочет изменить показания.

Люся закатила глаза, но промолчала, предпочитая роль наблюдателя. Ей было интересно, что будет дальше. Но Ветров, скучный полицейский, в отличие от нее не любил игр и просто уведомил Барина:

– Алексей Егорович, ну что за глупости? Это же не гражданское дело, а уголовное. Процессы запущены, отменить их невозможно, даже если бы Людмила Николаевна решила вообще забрать заявление.

– Да какая это уголовка, – вспыхнул Барин, – типичная административка! Мелкое хулиганство.

– Покушение на убийство, Алексей Егорович...

– Да не было там покушения! – заорал Барин. – Неудачная шутка!

– В любом случае, – холодно продолжил Ветров, – все это уже не в нашей компетенции – вашим сыном занимается ФСБ.

– Да вы обалдели, что ли? – изумился Баринов. – Из-за дихлофоса?

– Угрозы в интернете, экстремизм, проверка причастности к серии убийств на почве видовой ненависти, – скрупулезно перечислил Ветров.

Баринов мигом растерял всю свою заносчивость, растерянно опустил в кресло и, жалобно посмотрев на Люсю, переспросил со страхом:

– Что за бред? Такой хороший мальчик... Решили на него всех собак повесить?

– Давайте поговорим в управлении, – предложил Ветров, – не будем мешать Людмиле Николаевне работать.

Баринов бросил на Люсю полный ненависти взгляд и ядовито выплюнул:

– И угораздило же меня связаться с этой стервой! Это из-за нее все полетело под откос.

Ну почему люди вечно винят ее в своих прегрешениях? Разве Люся заставила Баринова искать любовницу на стороне, а потом разводиться с женой?

В редакции было как всегда оживленно.

Вернувшийся из командировки Носов был готов волосы на себе рвать: пока он занимался расследованием убийства девушки, ставшей нечистой, здесь произошло столько интересного, хоть разорвись! И сын министра, пожирающий сырое мясо, и покушение на шефа, и вообще!

– Ты, Костя, расслабься, – посоветовала ему Люся, – мы по этому поводу землю рыть не будем.

– Ты что? – вскинулся он. – Решила все на тормозах спустить? Да с чего бы это?

– Дождемся официального пресс-релиза, – она добавила металла в голос, и Носов завопил как ошпаренный.

Флегматичный Зорин дождался паузы в его обвинениях – в трусости, подкупе и малодушии, стандартный набор, – и сообщил, тоже возбужденный:

– Наши подписчики прислали видео ДТП – автомобиль едва не наехал на парня на переходе. Прикиньте, он обернулся оленем и умчался куда-то. Обалдеть!

– И это мы публиковать не будем! – рявкнула Люся, совершенно выведенная из себя.

Перекинуться на людях – хуже, чем оказаться голой у всех на виду. Как они все этого не понимают?

Журналисты в целом частенько забывали, что по ту сторону объектива находились живые люди, которым может быть плохо, стыдно и страшно. Люся и сама часто увлекалась, переходила грань, но чувства попавшего на камеру арха ей было очень легко представить.

Флегматичный Зорин, в отличие от эмоционального Носова, на нее орать не стал, только раздраженно отшвырнул мышку и ушел на кухню пить чай.

Деликатная Маша Волкова выскользнула за ним.

– Люсь, ты чего? – сердито спросил Носов. – Тебе кто-то хвост прижал?

– У нас серия, Костя, – ответила она устало, – и Великий Морж попросил не мешать им работать.

Глаза Носова вспыхнули, и он возбужденно выдохнул:

– Ух ты! Но потом эксклюзив наш?

Она расхохоталась, слегка истерично. А уж какой получится эксклюзив, если ее все-таки препарируют! Вот будет праздник у всей редакции!

После обеда в кабинет Люси влетела Ольга с влажными потемневшими глазами и прошептала:

– Шеф, там... там!

Заинтересованная, Люся выглянула за дверь.

Да. Тут было на что посмотреть.

В центре приемной стоял неземной красоты юноша – гибкий, смуглый, невероятно чувственный, излучающий сексуальный магнетизм такой силы, что у Люси немедленно потянуло внизу живота.

– Это что такое? – с запинкой пробормотала она, невольно делая шаг вперед.

Молодой ярила скромно потупился, что несколько не уменьшало сокрушительного впечатления, едва не сбивавшего с ног.

– Люсенька? – шепнул он глубоким бархатным обволакивающим голосом. – Я ваш подарок.

Ольга едва не всхлипнула от переизбытка чувств и торопливо зажала себе рот рукой.

И все очарование рухнуло, будто кто-то запустил булыжником в волшебное зеркало.

– Подарок, стало быть, – язвительно откликнулась Люся. – Надеюсь, за тебя уже заплатили? А то не успеешь глазом моргнуть, как окажешься нищей. Знаю я эти штучки.

Юноша снова улыбнулся. Черт, что за ямочки... А уж ресницы!

– Я в вашем распоряжении до утра, – проникновенно сообщил он.

Люся оценивающе обошла его по кругу. Сколько может стоять такая прелесть?

Впрочем, у Ветровых денег куры не клюют. Могут себе позволить. Но если придурок думал ее смутить, то это он зря.

– Ну заходи, подарок, – насмешливо предложила Люся, – расскажи мне, что ты умеешь. Массаж? А то нога ноет, на смену погоды поди...

И пока ярила расстегивал ей сапоги, она настрочила Ветрову сообщение: «Продлеваю на неделю». И смайлик-поцелуй.

Подарок звали с претензией – Лукьяном.

За обедом он вел себя безупречно, вольготно расположившись в пафосном ресторане, куда потащила его Люся.

– Не проститутка, а эскорт, – мягко поправил он, – а также исполнитель экзотических танцев.

– То есть стриптизер, – покивала она. – Приехал поступать и провалился?

– Почему? – вскинул брови Лука. – Учусь в художке.

– Что, даже рисовать умеешь? – умилилась Люся.

Она чувствовала себя превосходно: ночные страхи окончательно рассеялись, отличный массаж добавил легкости, а вкусная и совершенно вредная еда улучшала настроение.

– Хочешь, нарисую твой портрет?

– Очень хочу, – воодушевилась Люся.

Все-таки красавчик-ярила был куда более желанным гостем на ночь, чем мрачный марен со скверным характером.

К продажной любви Люся относилась с легкой брезгливостью, но вдруг ее завтра разрежет на части неведомый маньяк! И она так и помрет с дурацкими принципами.

Заказав себе самый большой и самый дорогой десерт, Люся мурлыкала под нос незатейливую мелодию, с удовольствием флиртуя. Именно сегодня, после всех диких стрессов, ей хотелось легкости бытия, красивой жизни, ни к чему не обязывающей страсти и наслаждений, за которые не придется платить самой. Она даже к Ветрову малость подобрела – и от козлятины бывает толк.

– А как у тебя с остальными навыками? – спросила она рассеянно. – Грибы, орехи собирать умеешь? От крокодила убежать успеешь?

– Что? – Парень изумленно хлопнул ресницами.

– Защитишь девушку от маньяка? – пояснила, любуясь очертаниями пухлых губ.

– Ролевые игры? – вдохновился Лука.

Люся засмеялась. И тут пришло ответное сообщение от Ветрова: «Что ты там продлеваешь? Совсем спятила?»

Она некоторое время таращилась на экран, потом медленно подняла глаза на Луку и, ощущая холодный пот по позвоночнику, спросила:

– Кто тебя нанял?

– Анонимный заказ на сайте, – отозвался он безмятежно.

– Мы можем сделать с тобой селфи?

– Конечно, лапуля.

Руки Люси подрагивали, когда она отправляла фото Ветрову.

«Это не ты прислал мне ярила?»

«Еду. Жди».

И вот тогда Люся испугалась на полном серьезе.

Ладно, в ресторане с ней ничего не случится. Но значило ли это, что ее поставили на прослушку? Человек, сделавший подарок, вряд ли угадал случайно.

Едва не с ужасом отодвинув от себя сумку и телефон, Люся спросила:

– Когда поступил заказ? Там были какие-то особые условия?

– Менеджер со мной связался часов в одиннадцать. – Лука, чуткий эмпат – нельзя быть хорошим в сексе, если ты не чувствуешь партнера, – стал серьезнее. – Про условия не знаю, я не видел заявки.

Она замолчала, нервничая все сильнее. Почему Ветров не спросил адрес ресторана? Он вообще знает, куда ехать? Почему так долго не отвечал на сообщение? За это время ее бы раз пять успели убить. Да что он вообще за охранитель такой? Калоша!

Обстановка в дорогом зале изменилась – словно темнее стало. По столикам пронесся шепоток.

Ветров шагал стремительно, и от него будто волнами исходило что-то недоброе.

Люся сглотнула. Контраст с улыбчивым солнечным Лукой был столь мощным, что ее словно накрыло зловонным туманом. Зато ее спутник смотрел на Ветрова с любопытством.

У ярил и маренов была хорошая совместимость. В первых было так много собственного света, что их не пугал мрак.

– Добрый день, – коротко проговорил Ветров, бросив на Люсю неприятный взгляд. – Рассказывайте. – И он без приглашения сел за стол, даже не сняв форменную полицейскую куртку.

На их столик косились. Официантка с меню в руках переминалась в нескольких метрах, не решаясь подойти.

– Вот, – Люсе стало холодно, – появился в моей приемной, сказал, что подарок.

– Шлюха?

– Эскорт, – терпеливо поправил Лука.

– И ты решила, что я прислал? – насмешливо уточнил Ветров. – Думаешь, я бы потратил на тебя столько денег? Сколько ты стоишь, эскорт?

Лука назвал сумму.

Люся с завистью подумала, что не там работает.

– Понятно, – резюмировал Ветров. – Поедете со мной.

– Втроем дороже, – быстро предупредил Лука.

Парня забрали на допрос, а Люсю – на обыск. Стоя в одних колготках на холодном полу, она смотрела, как женщина-полицейский сканирует ее вещи.

Небольшой аудиопередатчик нашелся в трости – набалдашник-пудель откручивался, и в нем оказалось полое место.

Она никогда не расставалась с тростью, никогда. Где и в какое время его могли бы вмонтировать?

Этот же вопрос задал ей и Ветров, едва она вошла к нему в кабинет.

Люся дернула плечом и, едва справляясь с внутренней дрожью, ответила:

– Понятия не имею.

– Когда ты последний раз ночевала с Бариновым?

– Две недели назад мы встречались у него. Но я не ночевала там, просто заехала на пару часов.

– Принимала душ? – Она кивнула. – Его сын был дома?

– С ума сошел? – возмутилась Люся.

Ветров вздохнул.

– Ладно, давай по порядку. Где еще ты могла оставить трость без пригляда? Сауна? Косметолог? В гостях? – Люся честно пыталась вспомнить, но мысли метались перепуганными птицами. – Спокойно! – вдруг рявкнул Ветров. – Он намеренно тебя запугивает. Это демонстрация, понимаешь?

– Отк-куда ты знал, к-куда ехать? – стуча зубами, спросила Люся.

– Потому что за тобой приглядывают. – Он вроде как удивился наивности ее вопроса.

Ах да, Великий Морж говорил про ЧОП, частное охранное предприятие, но Люся не придавала этому особого значения, потрясенная шестью жертвами.

– У полиции есть такие ресурсы?

– У меня есть такие ресурсы.

– Так хочется повышения?

Язвительность была нужна ей сейчас, как валерьянка, но Ветрову было плевать на Люсино психологическое состояние. Он раздраженно поморщился, выведенный из себя ненужным разговором, и Люся собралась.

– Дай мне ручку с бумагой, – попросила она, – мне так лучше думается. И налей выпить, что ли, раз уж мою машину забрали на экспертизу.

Ветров хмуро открыл тумбочку, извлек оттуда графин и стакан, плеснул коньяку, откинулся назад и, разглядывая ее, кисло уточнил:

– Как ты вообще могла решить, что это от меня? По-твоему, я сутенер?

– Я подумала, такая издевка...

Она выводила на бумаге каждый день на этой неделе – где была, сколько времени там провела.

– У меня нет задачи над тобой издеваться, – высокомерно отчеканил Ветров.

Люся молчала, выписывая: «Вторник – маникюр – трость при мне».

Это немного успокаивало.

– Что ты собиралась сделать с этим... подарком? – задал он новый вопрос, и теперь в его голосе прозвучало презрение. – Использовать по назначению?

– Вот только не надо из себя корчить! – возмутилась она. – Можно подумать, что с тобой бабы спят за красивые глазки!

– За секс мне пока платить не доводилось.

– А, ну да, – ехидно отозвалась Люся, – как я забыла. Твоя бывшая ярилка, с которой ты встречался год назад, назвала тебя жадной скотиной. Цветов, говорит, не дарил, с подружкой изменил и вообще козел.

В кабинете будто отключили отопление. Пахнуло могильной сыростью. Люся ощутила, как пальцы сковывает льдом.

– Только посмей, – прошипела она, – и я тебе глаза выцарапаю.

– Ты как беззубая шавка, – сказал Ветров с омерзением, – брешешь, брешешь, а укусить не можешь.

– Да потому что меня тошнит от тебя и твоих колдовских фокусов, – честно призналась Люся. – Буквально.

В кабинете немного потеплело, наступила тишина.

Люся усердно вспоминала, где же ее носило три дня назад? Надо свериться с секретаршей.

– Я отправил специалистов к нам домой, – сообщил Ветров, – пусть обыщут обе квартиры.

– Как – обе? – Люся вскочила, не нашла под рукой привычной трости, оперлась на стул. – Это никак нельзя! Нам надо срочно к Нине Петровне!

– Зачем?

– Я же говорила, что она боится незнакомых людей!

– Ну не до такой же степени, – произнес он неуверенно, однако поспешно потянулся за ключами от машины.

– А у тебя нет мигалки? А быстрее ты не можешь?

– Да что ж ты такая нервная-то! Я предупредил своих людей, чтобы они ждали в машине и не поднимались без нас, так что не надо преувеличивать.

– Я преуменьшаю! – закричала она в отчаянии. – Ты дурак? Совсем не понимаешь? Когда я познакомилась с Ниной Петровной, она уже несколько лет жила одна! Заговаривалась! Едва ходила! У нее голова тряслась, как после инсульта! – Люся даже забыла, что ей плохо рядом с Ветровым. Вцепилась в ремень безопасности, едва не плача. – Потому что нельзя бросать домовиков в одиночестве!

– Я находился там, откуда никак не мог вернуться, – напомнил Ветров.

– Ты сидел полтора года, а она живет одна – пятнадцать! Ну так наняли бы ей компаньонку! Выписали бы племянницу из Тамбова! Дальнюю родственницу! Почему твой отец не забрал мать с собой?

– Она не хотела его видеть.

– О, какая классная отмазка! Ты вышел из тюрьмы много лет назад – и не торопился к бабушке. Тебя она тоже не хотела видеть?

– Едва на порог пустила. Тебя, кажется, родная мать тоже не жалует – так что сними уже белое пальто, Люсенька.

Она едва не зарычала от бессильной злости. И правда беззубая шавка.

Да что с ней такое? Рядом с Ветровым совсем слетает с катушек. Он действовал как красная тряпка на быка. Вызывал отторжение на физическом уровне.

Закрыв глаза, Люся принялась представлять, как однажды все закончится. И она никогда, ни за что не увидится больше с Ветровым.

Глава 8

И снова Люсину квартиру перевернули сверху донизу, едва не отодрав обои и не вырвав с мясом всю электрику. У Нины Петровны всего лишь прошлись сканерами, но и это едва не dokonало старушку, которая цеплялась за Люсю, как утопающий за спасательный круг.

Специалисты Ветрова ушли только ближе к вечеру, так ничего и не обнаружив, и Нина Петровна тут же забралась в кровать, накрылась одеялом и попросила оставить ее одну. И этого с собой забрать.

Против «этого» Люся опять не возражала – чем ближе подступала ночь, тем больше ей нравился Ветров на ее диване. Пакость, конечно, но пакость знакомая. А неизвестный маньяк, подкидывающий секси-подарки, внушал ей куда больше... нет, уже не страха. Ненависти.

– Пойдем, – сказала она, заглянув на кухню, где Ветров что-то яростно строчил в своем телефоне, – тебя отправили ко мне на передержку.

– К ноге, – передразнил он, кривясь. – Место, песик.

Люся едва удержала на языке очередную колкость.

И правда, чего она к нему все время цепляется? Спокойнее надо быть, а то она все больше напоминала себе стервозную идиотку, которая то и дело пытается задеть за живое человека, отвечающего за ее безопасность.

– Прости, – произнесла она резче, чем хотела бы, – это нервное. Давай закажем какой-нибудь еды.

– Опять оскорбление, – но в его голосе больше не было злости, – я все-таки вырос с бабушкой-домовихой. Готовая еда ранит мою гордость.

Она пожалала плечами. Хочется кому-то тратить время на подобную чушь – на здоровье. Время Люси – слишком ценный ресурс, чтобы разбрасываться им понапрасну.

В своей квартире она наконец воткнула флешку, которую дал ей Ветров, в ноутбук и открыла файл с данными по коркоре. Что бы вокруг ни происходило, просьбы Великого Моржа игнорировать не следовало, потому что они вовсе не были просьбами.

Ну, здравствуйте, Марина Сергеевна Соловьева, историк, доктор наук, пришла пора познакомиться с вами поближе.

Сорок два года, не замужем, детей нет. Мать – лада, отец – кимор. Стандартная семья. В шестнадцать лет сама пришла в видовую инспекцию и объявила о том, кем является.

Ого! Характер.

Не было у беременной женщины страха сильнее, чем родить коркору. К счастью, это происходило очень-очень редко. Как правило, родители скрывали таких детей, обычно выдавая их за архов, потому что одна вспышка агрессии – и ребенка-коркору брали под пристальное внимание все специальные службы. А тут девочка, еще толком не выйдя из пубертата, решилась легализовать свою принадлежность. Это насколько нужно быть уверенной в своем хладнокровии?

Ветров на кухне гремел посудой, и это было совсем не тем уютным фоновым звуком, который создавала обычно Нина Петровна. Выходило резко и громко, и Люся постоянно вздрагивала и отвлекалась. Ну какой он внук? Подкидыш поди. Почему-то все время казалось, что не может быть у милой старушки-соседки такого неприятного родственника.

Семью не выбирают, напомнила себе Люся и снова уткнулась в файл.

Университет, научные работы, несколько книг по истреблению коркор в Средние века – и снова ого! Смело. Такие темы историки обычно обходили стороной, уж больно кровавой получилась картина. Яги против трехголовых змеев, перерубленные шеи, героизация уничтожения вида. С другой стороны, коркоры все-таки были чудовищами, способными спалить деревню и сожрать ее жителей.

Спецдопуск на преподавательскую деятельность. Результаты психологических тестов. Несколько репортажей – Марина Сергеевна демонстративно не скрывала своей сущности, и студенты время от времени устраивали забастовки, протестуя против столь опасного препода.

– М-да, – Люся закрыла ноут и откинулась в кресле. – И как подготовить город к такому? – Она потянулась за телефоном, набрала Волкову: – Маш, у нас есть вменяемый специалист по антропологии?

– Люсь, восемь вечера, – вздохнула Волкова. – Это прям срочно?

– Это прям завтра, – без всякого стыда ответила Люся. – Устрой мне встречу.

– Ладно, – покорно согласилась безотказная Маша.

И тут же позвонил Носов, через мессенджер, параноик. Вечно он боялся прослушки.

– Люсь, тут видовики требуют все записи с камер наблюдения. Хочешь, отдам им прошлогодние? В редакции все равно каждый день одно и то же.

– Отдай нормальные, – попросила Люся, – у меня в трости нашли «жучка».

– Да ладно? – восторженно ахнул он. – Чума!

Можно было не сомневаться, что Костя будет тянуть время, чтобы снять копии, а потом потратит уйму времени, пересматривая все сам.

Именно Носов настоял, чтобы камеры стояли буквально везде, – после того как несколько лет назад один бизнесмен устроил в редакции жуткий скандал, требуя, чтобы убрали публикацию о финансовых махинациях в его конторе.

Люся еще некоторое время посидела с закрытыми глазами, прикидывая план по повышению лояльности к коркоре, а потом пошла на кухню. Запахи оттуда текли соблазнительные.

Ветров как раз раскладывал пасту с индейкой и грибами по тарелкам. Нина Петровна ни за что бы не одобрила столь калорийный ужин, а Люся любила калории. И углеводы. Особенно углеводы.

– Когда ты повредила ногу? – спросил он, усаживаясь как можно дальше от Люси.

– Летом. В июне.

Гулять так гулять. Пуститься во все тяжкие, пока взрослые не видят. И Люся достала пиво из холодильника. Предложила бутылку Ветрову.

– Я больше не пью, – отказался он язвительно.

Ну еще бы.

Пожав плечами, она открутила крышку и взялась за вилку.

– И почему так долго не заживает?

Люся, увлеченная макаронами, не сразу поняла, о чем он. Ах да. Нога.

– Фактически зажила, – ответила она с набитым ртом, – практически – все еще болит. Мой психолог считает, что это психосоматическое.

– Что за фигня?

Люся прожевала, отпила из бутылки и почувствовала себя почти человеком.

Пусть всякие маньяки идут лесом.

– Вроде как хромота и трость защищают меня от внешнего мира, – пояснила она. – Типа я воздвигаю стену между собой и людьми. Пытаюсь казаться менее привлекательной и более устрашающей.

– Для этого тебе хватает черной помады, – хмыкнул Ветров, а потом нахмурился: – У меня нет никаких данных о твоём психологе.

– Он онлайнный.

– И вы с ним обсуждали твою видовую принадлежность?

– Конечно, – удивилась Люся, – детские травмы, юношеские переживания. Маленькой я боялась, что так и останусь в своей архаичной форме, не смогу вернуться в человека. В юности мне было очень стремно из-за стереотипов. Ну знаешь... поцеловать лягушку... – Табуи-

рованная тема давалась, как всегда, тяжело, и Люся запнулась. – Типа ты, такая дура, сидишь на болоте со стрелой во рту...

Увидев наконец, каким хищным стал взгляд Ветрова, она замолчала.

– Скинь мне все данные своего психолога, – коротко бросил он. – Блин, Люся!

– Ага.

Ветров уже привычно расстелил себе на диване, самостоятельно достав белье из перевернутой кладовки.

Бардак вокруг царил адский.

Люся все медлила, будто спальня была за тридевять земель от дивана. Стояла на пороге гостиной, разглядывая, как Ветров снимает часы, ставит мобильник на зарядку. Его волосы были влажными после душа, и резкий запах мужского дезодоранта ощущался лишним в этой квартире.

Чуть красивее обезьяны, вынуждена была признать она, хоть это противоречило Люсиному принципу не шеймить людей за внешность. Ну правда же! Почти сросшиеся брови, маленькие узкие глаза, кривой рот, коренастая невысокая фигура.

Он не обращал на нее никакого внимания, как будто это было в порядке вещей – топтаться на пороге и бесцеремонно таращиться на человека. Щелкнул выключателем, улегся на диван, аккуратно накрывшись одеялом, сложил руки на груди и закрыл глаза.

– И чего тебя вообще потянуло в видовую полицию? – спросила Люся.

Свет горел только в ее спальне, и яркий прямоугольник из темноты казался неестественно белым. Как будто операционная.

И откуда такие странные ассоциации?

– Из-за одной стервы, – не открывая глаз, сонно сказал Ветров.

– А я тут при чем?

– А ты тут при чем? Я говорю о той мерзавке, к которой я тогда ехал.

Люся как-то сразу поняла, когда «тогда». ДТП в состоянии алкогольного.

– Та девушка, к которой ты мчался, – припомнила она, – лада. Неожиданный выбор для студента-марена.

– Не то слово, – согласился он спокойно. – Все воспевают лад – ах, они такие одухотворенные. Мечтают о семье, растворяются в детях, идеальные супруги, идеальные родители. Символ чистоты и невинности, мать их. Мне досталась чокнутая на всю голову.

– Да ладно преувеличивать, – фыркнула Люся, – ни разу не встречала человека, который хорошо бы отзывался о своих бывших.

– Она была одержима желанием побыстрее выскочить замуж, а я вообще не собирался жениться. Случайно вляпался в эти отношения, думал – ничего серьезного, мало ли с кем ты спишь в двадцать лет.

– Вот дурак! – Она пораженно покачала головой. – Лада тебе не ярилка, с ладами нельзя просто спать. Это чревато.

– А знаешь, что особенно чревато? Изменять ладе.

– Не-е-ет, – протянула Люся весело, – даже ты не мог быть таким... чудаком.

– Мог и был, – даже с некоторой гордостью подтвердил Ветров. – За это мне и прилетело фирменным ладовским приворотом. В наказание.

– Ну почему я не знала таких подробностей пятнадцать лет назад! – едва не взвыла Люся. – Мои репортажи про придурка-мажора заиграли бы новыми красками! Я-то думала, что ты просто избалованный, зажавшийся сыночек, поверивший в свою безнаказанность. Но ты же еще и идиот в кубе! Любой школьник знает, что лады – строгие приверженцы моногамии. Что они безжалостно карают за измены! Что они заточены под семью, никаких походов налево. Этому же учат на уроках по видовому разнообразию!

– Рад, что позабавил тебя, – раздраженно процедил Ветров.

– Нет, подожди... – Взбодороженная Люся просто не могла заткнуться. – Ладовский приворот – мощная штука. Ты поэтому все время ломился к ней, как зомби? Ха, это невероятно смешно. И когда тебя отпустило?

– Года через три.

– Да ты в заключении, наверное, на стенку лез!

– Не то слово.

Тут она не выдержала, расхохоталась.

Чтобы перевернуть эту историю, нужно было написать о ней. Хотя бы в своем блоге. Хотя бы не называя имен. Иначе ее разорвет изнутри.

– Даже не вздумай, – ясным и четким голосом предупредил Ветров. – Придушу.

– Ну это же натуральный анекдот!

– Я привык называть это своим прошлым, – саркастически заметил он.

– Ладно, ладно. Я честно стараюсь. Смотри, я уже почти серьезна. Как это связано с полицией-то? Сам же говоришь, видовые способности не запрещены.

– Возможно, мне хотелось компенсировать всю эту постыдную историю. Стать кем-то, с кем побоятся связываться.

– Вот ты чудила. Сам везде накосячил, и сам теперь обиженная печенка. Интересно, как сейчас поживает твоя лада?

– Люся, не лезь в это!

– Ветров, кто тебя просил откровенничать с журналистом? – крикнула она уже из коридора и снова засмеялась. – У меня профессиональная деформация, имей в виду!

Вдогонку ей донеслись ругань и угрозы демонстрации ветровской деформации.

Люся забралась в кровать и уснула крепким сном довольного человека. Всегда приятно знать, что есть те, кто лагает сильнее тебя.

– Люсь, а Люсь?

– М-м?

– А может, ты его совсем заберешь?

– Кого?

– Пашу.

Люся ошалело моргнула и возмутилась:

– Нина Петровна, ну вы совсем уж!

Послышалась мелодия домофона. Кого принесло в такую рань?

– Люсь, курьер! – крикнул Ветров. – Я впустил.

– Ну конечно, – проворчала она, – заходи кто хочешь, убивай кого хочешь.

– Типун тебе на язык, – рассердилась Нина Петровна.

В то же мгновение у Люси тренькнул мобильник. «Это от меня курьер, – сообщил Великий Морж, – не дергайся».

– Ветров, это Китаев прислал! – завопила Люся и повторила высокомерно: – Не дергайся.

Нина Петровна, любившая тишину и покой, страдальчески сморщилась и улизнула на кухню, бурча под нос что-то неласковое.

Люся, подтягивая сползающие пижамные штаны, вышла в коридор. Ветров уже отпустил курьера и теперь недоверчиво рассматривал длинный футляр темного дерева.

– Что это может быть? – спросил озадаченно.

Не так уж и сложно догадаться, между прочим. Если бы его хоть немного интересовала Люся как человек, а не как средство для карьерного роста, Ветров такими тупыми вопросами не задавался бы.

Она вздернула подбородок и плавно открыла футляр. На кремовом атласе лежала новая трость – прежняя так и осталась у экспертов. Матовая гладкая поверхность обожженного ясеня с изящными древесными прожилками и латунный набалдашник с янтарной отделкой. Восхищенная, Люся взяла подарок в руки, с удовольствием отмечая, что он достаточно тяжел, чтобы проломить им кому-то голову, но не настолько, чтобы оттягивать руку.

Ветров молчал. Потом и за завтраком к общему удовольствию не проронил ни слова.

Спросил уже в лифте:

– И не противно тебе спать со стариком?

Люся стояла к нему спиной, разглядывая себя в зеркале: тяжелая, темно-красная, почти коричневая помада, безжалостные стрелки, квадратные очки. «Не подходи, убою». Отличный образ.

– Что ты хочешь услышать? – уточнила она холодно. – Если я скажу «да», ты сможешь меня презирать за неразборчивость. Если «нет» – за продажность. Тебе не важен ответ, тебе важно высказать свое «фи».

И Ветров снова замолчал.

Как и вчера, он проводил ее паровозиком до конторы и поднялся в редакцию, чтобы поторопить Носова с видеозаписями, но того еще не было на месте.

– Неужели больше ни у кого нет доступа к серверам? – угрюмо спросил Ветров.

– Ни у кого, – злорадно подтвердила Люся, что было чистой правдой, – Носов любил, чтобы все вокруг от него зависели.

Оставив Ветрова пугать Машу Волкову и Олега Зорина, она шагнула в комнатку к Синичке, плотно закрыв за собой дверь.

– О! – Редактор, с утра уже изрядно выведенная из душевного равновесия, шефу обрадовалась. – Ставлю тебя в известность, Люсь, что властью, данной мне Розенталем, я издаю указ по редакции. Больше никаких «Вы» с прописной буквы ни в рекламных материалах, ни на баннерах. Если, конечно, кто-то не решит написать личное письмо папе римскому... Во всех остальных случаях это признак дурновкусия.

– Ладно, – легко согласилась Люся – рекламные тексты, присланные заказчиками, она давно не читала, но подозревала, что там по-прежнему ад и ересь. – Ты мне лучше вот что скажи, о всезнающая. Что нам известно о ладовских приворотах?

Синичка задрала бровь повыше, явно потешаясь над Люсиным самоуверенным «нам». Кащи пытались относиться к остальным снисходительно, ну не всем же даны уникальная память и генетические запасы знаний, однако прекрасно понимали свое превосходство.

– Известно, – веско сообщила она, – что это такое сильное воздействие, к которому прибегают только от отчаяния. Уж очень высока цена.

– Например?

– Например, лад может стать бесплодным. Или тяжело заболеть. Или психически двинуться. В общем, от этих приворотов больше проблем, чем пользы. Иначе, наверное, жизнь лад была бы сплошным праздником: приворожил кого надо – и наслаждайся результатом. А так трижды подумаешь, прежде...

Хлопнула дверь. В кабинет влетел Носов – глаза горят, шапка набекрень.

– Люсь, – прошептал он, задыхаясь от быстрого подъема по крутой лестнице, – я же нашел!

Глава 9

– Что нашли? – тут же вмешался Ветров, бесцеремонно вторгаясь в кабинет Синички.

Люся закатила глаза. По лицу Носова пробежала рябь, азартное выражение моментально сменилось придурковатым, и он возопил:

– Пуговицу! Любимую пуговицу нашел, Павел Викторович. Три дня искал, а она под стол закатилась.

Ветров ему, разумеется, не поверил, однако решил не давить. Просто долгую минуту посверлил Костю своими злыми глазками, потом пожал плечами и заключил философски:

– В конце концов, она же ваша начальница. Можно понять ваше нежелание делиться своими открытиями со следствием. Убьют так убьют, невелика потеря.

От возмущения в горле Люси что-то булькнуло, ей понадобилась вся сила воли, чтобы промолчать. У Носова, очевидно, были причины так поступать. Он был невыносимым задирой, однако она без колебаний пошла бы с ним в разведку.

– Записи камер-то отдадите? – безразлично спросил Ветров.

– Отдам, – легко согласился Носов, – пойдете.

Люся сердито посмотрела им вслед и повторила:

– Невелика потеря! Нет, ты слышала?

– Ужасно, – рассеянно поддержала ее Синичка, не отводя взгляда от монитора. – Заголовки капслоком – это настоящий кошмар.

Спустя несколько минут Носов наконец выпроводил Ветрова, схватил Люсю за локоть и увлек в душевую, которую очень любил за отсутствие там камер.

Едва не споткнувшись о ведро, оставленное уборщицей, Люся отодвинула швабру, поморщилась от запаха ботинок Зорина, сохнувших на батарее, и пристроилась возле дежурного пиджака с парой галстуков, который надевали журналисты, когда им срочно требовалось посетить что-то официальное.

– Ну что там? – спросила нетерпеливо.

– Смотри, – Носов сунул ей под нос свой телефон, – вот оно.

На паршивого качества видео Леня Самойлов, ныне уволенный, весьма уверенно открывал набалдашник трости, чтобы заменить батарейки в устройстве.

– Офигеть, – прокомментировала Люся, даже как-то не очень удивившись. – И когда это снято?

– Месяц назад.

– И почему ты не сказал об этом Ветрову?

– Люсенька, – Носов, чрезвычайно гордый собой, покровительственно похлопал ее по плечу, – потому что наша крыска – кого надо крыска. Не думаешь, что сначала надо предупредить его дядюшку?

Бли-и-ин... Люся и не подумала, что Самойлов был племянником Великого Моржа. Который, между прочим, прислал ей утром новую трость.

Паранойя расцветала махровым цветом.

– С каких пор тебя волнуют родственные связи? – буркнула она, с подозрением разглядывая янтарь на латунном набалдашнике.

– Я, конечно, дерзкий и независимый, – пояснил Носов со смешком, – но не настолько, чтобы ссориться с Китаевым. Кто в следующий раз нас прикроет, когда мы снова будем снимать губернатора?

– А если это он? – мрачно уточнила Люся.

– Маньяк-убийца? – развеселился Носов. – Свежая идея, но вряд ли чувак просто приуныл на старости лет и решил поразвлечься, убивая архов по всей области.

– Нарой мне инфу на убитых, ладно? – попросила Люся.

– Как ты это представляешь? У нас нет ни дат, ни городов, ни фамилий. Органы закрыли все по этому делу, и даже непонятно, к каким пресс-службам соваться. Нет, Люсь, с такими вопросами к силовикам, тут у меня лапки короткие. Звони уже Китаеву, пока Ветров не понял, что получил только часть записей. А я пошел, у меня там ДТП с пострадавшими.

Люся вздохнула и набрала Великого Моржа. Для разнообразия он сразу взял трубку.

– Олег Степанович, – сухо сказала Люся, решив не благодарить за утренний подарок – это позже, лично, – у меня приватная информация.

– Говори, – так же официально бросил Китаев.

По крайней мере ее не прослушивали. Или прослушивали, но свои.

– Устройство в мою трость воткнул твой Леня, – сообщила Люся. – Он попал на редакционные камеры. Мы отдали видовикам часть записей, без...

– Отдайте все, – перебил ее Великий Морж. – Я все понял, разберусь.

И повесил трубку.

По дороге к антропологу Люся так и этак вертела в голове образ Лени Самойлова, прикидывая, на что тот способен. Скорее всего, кто-то посулил ему денег, и банник легко согласился – к начальству у него было много претензий. Как многие бесталанные люди, Леня был мнителен и обидчив. Ему все время казалось, что Люся отдает другим самых лучших рекламодателей, несправедливо придирается и не ценит такое сокровище. Поэтому возможность сделать пакость ненавистному шефу Леню наверняка обрадовала. Да и повод придумать несложно: в городе было немало людей, кому Люся испортила жизнь. Прикинуться одним из таких и заказать компромат – милое дело.

Однако какой целеустремленный маньяк попался, невольно восхитилась Люся.

С маньяками ей прежде встречаться не доводилось – криминальная жизнь небольшого города сводилась к поножовщине по пьяни и разным кражам. Однажды Люсе посчастливилось записать интервью с людоедом, но тот только сидел в их строгаще, а зверствовал в другом регионе, да и не отличался особой общительностью. Однако, судя по сериалам, которые честно пересказывала ей Нина Петровна, маньякам и полагалось быть хитрыми и упоротыми.

Самое время обзавестись парочкой новых фобий. Еще и психолога отобрали.

Антропологом ожидаемо оказался говорливый каш, который радушно встретил Люсю в заваленном книгами кабинете местного университета.

– Да-да, дорогуша, – вещал он, угощая ее чаем и плюшками, – я понимаю, что это извечный вопрос: что сильнее – видовые особенности или индивидуальные черты личности? И тысячи лет нашего существования так и не дали четкого ответа на этот вопрос. Есть яркие примеры и того и другого. Возьмем, скажем, ладу, которая несколько лет была радикальной чайлдфри. Она выступала по телевидению и вела собственный блог, всем и каждому доказывая, что женщина – это больше чем контейнер для вынашивания ребенка. И где она теперь?

– Где? – с интересом спросила Люся.

Она помнила эту ладу, звезду десятилетней давности.

– Растит тройню! – торжествующе ответил антрополог. – Или другой пример: всем известная ярила, ушедшая в восемнадцатом веке в монастырь, позже ее канонизировали. Согласно ее дневникам, отказ от соблазнов давался ей куда тяжелее других послушниц, и она годами носила власяницу и вериги, умерщвляя плоть. Легендарный Ванька-Каин, вор и разбойник, родился домовиком.

– А коркоры?

– Коркоры... – Антрополог вздохнул. – Тут следует учитывать, что современные представители этого вида значительно отличаются от своих предков. Вот уже много веков никто не видел огромных трехголовых ящеров, а в шестом-седьмом столетиях от них спасения не было.

Сегодня мы обвиняем ягов в геноциде, но не учитываем, что в те времена коркоры представляли собой глобальную угрозу для всех других видов. Однако природа мудра и заботится о равновесии. Если она создала ярил с их экстремальным либидо, то она же позаботилась о том, чтобы появились марены с соответствующим темпераментом. Более того, – тут старик весело прищурился, словно собираясь рассказать анекдот, – природа же наградила маренов невероятной скупостью – чтобы они не потратили все свои сбережения на алчных ярилок. Равновесие! Вот вы... – тут он бросил на нее оценивающий взгляд, – кимора, верно?

– Допустим, – согласилась Люся.

Люди редко угадывали, кто есть кто, в отличие от архов, чувствовавших друг друга. Кроме того, для выживаемости беззащитного лягушачьего вида пресловутая природа с ее пресловутым равновесием расщедрилась на острую интуицию. Благодаря этому Люся легко отличала виды, а порой (очень редко) могла предвидеть опасность.

– Киморы считаются склочниками, – продолжал антрополог, – но правда в том, что у них обостренное чувство справедливости, порой весьма своеобразное. Вот почему вы занялись журналистикой, – заключил он самодовольно.

– Как пронизательно, – улыбнулась Люся кротко. – Мы можем вернуться к коркорам?

– Равновесие, да. Казалось бы, противостоять чудовищным ящерам было невозможно, но на защиту всего человечества намертво встали могучие яги. И Илья Муромец, и Добрыня Никитич принадлежали именно к этому виду, и только Алеша Попович был бояном, благодаря ему мы знаем о тех великих сражениях. Ведь героям всегда требуются песнописцы, правда? – Люся согласно угукнула, и антрополог увлеченно принялся разглагольствовать дальше: – Сегодня коркоры опасны лишь потенциально, долгие столетия преследований заставили их отказаться от видовой особенности, которая, кажется, стала уже атавизмом. Но предрассудки невероятно сильны в нашем обществе. Еще пятьдесят лет назад всех коркор принудительно запирали в спецучреждениях, а сегодня всего лишь ставят на обязательный учет.

– Что бы вы сказали, если бы в ваш университет поступила на работу легальная коркора? – нейтрально спросила Люся.

Антрополог разинул рот, изумленно глядя на нее, и растерянно проговорил:

– Сказал бы, что Марина Сергеевна, единственная преподавательница своего вида в этой стране, произвела бы здесь настоящий фурор. Последний раз коркора у нас родилась триста лет назад, и ее тут же обезглавили, как только поняли, кто она.

– И вам было бы комфортно работать вместе с Соловьевой?

– Ну конечно, мы же разумные люди... – не слишком уверенно протянул антрополог и с некоторым испугом добавил: – Но ведь вы рассуждаете теоретически?

– Разумеется, – заверила его Люся.

Выйдя из университета, она завела машину и задумалась. Любопытство подгрызало ее изнутри, как мышь. Нет, все равно не видать покоя, пока Люся лично не поговорит с ладой, наградившей Ветрова приворотом. Она знала за собой такую особенность: стоило чем-то заинтересоваться, так все. Переклинивало напрочь.

Занимательно же: о чем думала женщина, рискнувшая здоровьем из-за мужчины? Сумасшедшие всегда привлекали Люсю – с ними получались самые захватывающие материалы.

Душераздирающе вздохнув над своими слабостями, она набрала Носова.

– Кость, когда вы писали материал о возвращении Ветрова, случайно не выяснили, чем занята сейчас лада, к которой он ехал пятнадцать лет назад?

– Выяснили, – ответил он рассеянно, – только не случайно, а специально! – И замолчал, решив, что вопрос исчерпан.

Люся послушала тишину и поторопила:

– Ну! И чем?

– Что?

Кажется, Носов о ней уже забыл. С ним такое бывало, когда он работал над материалом.

– Лада Ветрова!

– А, тебе данные нужны? – сообразил он. – Повиси.

Люся выбралась со стоянки, слушая шорохи в наушнике, и медленно поехала по улице, пристроившись за троллейбусом.

– Вот, – ожил Носов, – кафе «Нет» на Октябрьской.

– Кафе «Нет»? – изумилась Люся. – Оригинально.

Но он уже отключился.

Все такие творческие! Все такие увлеченные!

Люся перестроилась на левую полосу, вспоминая материалы пятнадцатилетней давности. Как звали ту девицу? Владислава? Маргарита? Виктория? Мама медсестра, папа инженер. Классическая семья пролетариев. Сынок губернатора мог бы показаться лакомой добычей, но, может, и правда любовь. Всякое бывает.

Ехать было недалеко, пробок в это время не наблюдалось, и спустя десяток минут Люся припарковалась возле кафе.

Ярко-красная вывеска, три восклицательных знака. Экспрессия, блин.

Ниже находилась табличка, явно противоречащая законодательству: «Мужчинам и ярилкам вход воспрещен». Налицо видовая и гендерная дискриминация.

Глубоко очарованная всей этой дичью, Люся вошла внутрь. В кафе царил минимализм: белые стены, белые столики, белые стулья. Барная круглая стойка в центре зала щеголяла стальной окантовкой. Две школьницы в углу играли в настолку, немолодая домовиха пила чай с тортом. За стойкой находилась женщина, примерно ровесница Люси – тридцать плюс. Красивая, если кто-то ценит блеклость и бесцветность. Блондинка, светлые ресницы, остро нуждающиеся в туши, тонкие черты лица.

– Добрый день. – Люся напрямик направилась к стойке.

Блондинка кинула на нее быстрый взгляд: если арха при первой встрече сложно отличить от банника или кимора, то ярилки можно было узнать наверняка – они буквально светились сексуальностью. Так что, поскольку Люся ничем таким не светила и очевидно не являлась мужчиной, дресс-код этого странного заведения она прошла.

– Бизнес-ланч? – предложила блондинка без улыбки.

– Да, можно. – Люся взгромоздилась на высокий стул и уткнулась в меню.

Присвистнула.

Салат «Иди к дьяволу», суп «Самодостаточность», паста «Наивность», пирожное «Она-низм».

У кого-то или нестандартный маркетинг, или затянувшееся посттравматическое стрессовое расстройство.

– Захватывающая у вас концепция, – светски начала Люся, заказав и «самодостаточность», и «наивность».

– Вы у нас впервые? – немного угрюмо спросила блондинка. – Скидка двадцать процентов за пост в соцсетях.

– У меня есть предложение получше, – широко улыбнулась Люся. – Бесплатная рекламная публикация на портале «Город не спит». Мы – самое популярное интернет-издание в регионе.

– Я знаю ваш портал, – оживилась блондинка, – пятнадцать лет назад вы раскатали по полной придурочного сына бывшего губера. Даже про меня писали, правда, полную чушь. Я вовсе не уговаривала его нестись ко мне пьяным! Девушка-пешеход ведь могла погибнуть.

– Вы...

– Вероника Белова.

Значит, Вероника. Люся почти правильно вспомнила.

– Людмила Осокина, владелец портала.

– И с чего вдруг такой аттракцион неслыханной щедрости? – уточнила Вероника. – Реклама у вас, должно быть, стоит немалых денег.

– Женская солидарность, – брякнула Люся.

С ее точки зрения, подобное объяснение не выдерживало никакой критики: далеко бы она ушла, бесплатно продвигая кого ни попадая, но сейчас ее нос буквально трепетал, предчувствуя хорошую историю.

Вероника, однако, приняла дурацкий аргумент и глазом не моргнув и проговорила с улыбкой:

– В таком случае ваш обед за счет заведения. Идемте, за столиком у окна нам будет удобнее.

Получив большую чашку капучино, Люся блаженно вытянула ногу и спросила благожелательно:

– Так откуда взялась столь оригинальная идея кафе?

– Вы знаете откуда, – тотчас ответила Вероника. Видно было, что ей не терпится поделиться наболевшим. – Павел Ветров.

– Пятнадцать лет прошло.

Лада задрала длинные рукава белой блузки, демонстрируя пораженные атопическим дерматитом руки.

– А вот это осталось до сих пор.

– Последствия приворота? – Люся постаралась добавить сочувствия в голос, однако получилось так себе.

Не рой яму другому, сказала бы Нина Петровна. Хотя на самом деле – просто необдуманная ошибка молодости.

– Вы знаете о привороте? – Вероника испуганно хлопнула белыми ресницами. – На вашем портале об этом не было ни слова.

– Узнала недавно, после возвращения Ветрова в город. Вам повезло, что он не сказал об этом на суде, иначе приговор значительно смягчили бы.

– Гордыня, – без колебаний пояснила Вероника. – Как же! Он мнил себя невосприимчивым к чужому воздействию. Я честно его предупредила, что, если он не изменит своего отношения ко мне, я его приворожу. А он в ответ только засмеялся, сказал: «Ну попробуй». И помчался на свидание к очередной похотливой тупой ярилке! Разве мог он потом публично признаться, что оказался бессилён перед моими чарами? Да он лучше бы язык себе откусил!

– Сволочь, – поддержала ее Люся, правда, без особого чувства.

Она не понимала женщин, цеплявшихся за мужчин, но у каждого свои развлечения. Все Люсины любовники были или полезными, или приятными. Даже Баринов в постели представлял тем еще затейником, пока из него всякая гнусь не полезла. Расстроило ли Люсю его мерзкое поведение? Ничуть. Люди мигом превращались в мерзавцев, если им хвост прищемить. Закономерный процесс.

– Мама сказала, – продолжала Вероника, – что перед ярилками никто не устоит. Стоит ли винить в этом молодого страстного юношу? Но мне показались порочными подобные рассуждения. Мы же не животные! Люди созданы для семьи!

Ну да, ну да. А секс для того, чтобы рожать детей. Все-таки лады – ужасные зануды.

– Зачем же вы вообще связались с мареном?

– Сердцу не прикажешь. У Павла такая притягательная энергетика...

Тут Люся едва не подавилась «наивностью». Притягательная? Энергетика? У Ветрова?

– А мне от него плохо, – поделилась она. – Физически. Голова начинает болеть, тошнит.

– Истинная любовь способна преодолеть все преграды! – пафосно провозгласила Вероника. Ну точно. Сумасшедшая. – Постойте-ка, – и в глазах блондинки сверкнуло что-то опасное, – вы с ним виделись? После его возвращения? Как? Когда?

Если ответить: «Он спит на моем диване», можно ли получить вилкой в глаз?

– По работе, – небрежно отмахнулась Люся.

– И у вас есть номер его мобильного?

Вот же неугомонная тетка!

– Конечно, нет. Но его рабочий телефон опубликован на сайте видовой полиции.

Вероника поддернула рукава, еще одно пятно на ее коже выглянуло из разреза ворота.

– Неужели нет никакого лекарства? – с невольной жалостью спросила Люся.

– Есть. – Вероника грустно усмехнулась. – Все пройдет, если Павел полюбит меня искренне и без всякого воздействия.

Значит, нет, мысленно заключила Люся. На такие чувства Ветров вроде как не способен. Но на месте Вероники она обязательно попыталась бы.

Остаток дня Люся расшифровывала разговор с антропологом.

Ей очень хотелось узнать, что сказал полиции Леня Самойлов, но дергать Великого Моржа было бесполезно. Долгие годы общения приучили ее к тому, что он сам скажет то, что считает нужным и когда сочтет нужным.

Написать рекламный репортаж о кафе «Нет» она поручила Маше Волковой, что вызвало понимающую ухмылку у Носова.

– Чего тебя вообще потянуло на бывшую Ветрова? – спросил он, когда они пили кофе перед уходом из офиса.

– Она ненормальная, – ответила Люся с удовольствием. – Верит в любовь и все такое. Казалось бы, после романа с Ветровым всякая блажь должна была вылететь из головы, но нет! Там по-прежнему сладкая вата. Вот почему я спала с банниками, киморами и архами, но у меня никогда не было ни одного лада! Не успеешь опомниться, а уже в центре какой-то мелодрамы.

– Моя девушка – лада, – напомнил Носов.

– Женись, – посоветовала ему Люся, – немедленно женись.

* * *

Дом встретил ее идеальным порядком – помощнице по хозяйству на этой неделе пришлось трудиться как пчелке – и ароматами легкого супа с креветками.

Нина Петровна в новом роскошном халате смотрела очередной сериал на планшете.

– Люсенька, я нашла тебе идеальную пару, – сказала она с гордостью. – Одна девочка на форуме по «Шерлоку» пожаловалась, что ее сын все еще одинок. А я ей написала, что у меня приемная соседка чахнет без любви.

– Ничего я не чахну, – пропыхтела Люся, разматывая шарф, – но к свиданию всегда готова. Скажите мне, что это молодой красивый яг.

– Это молодой красивый лад.

– Да вы издеваетесь! Вычеркиваем, Нина Петровна.

– Ну и ладно, – легко согласилась она. – Можно понять, ведь над тобой нависла тень смертельной опасности. Наверное, о новой интрижке ты сейчас меньше всего думаешь. Какое счастье, что мой внук рядом и готов тебя защитить. Кстати, чемодан с его вещами я оставила в гостиной. Ужин на двоих. Я пошла к себе.

– В смысле – чемодан? – подпрыгнула Люся и загородила входную дверь.

– Милая, у меня от него давление повышается и начинается тахикардия, – жалобно протянула Нина Петровна, – а ты плохо спишь от стресса. Разве это не идеальное решение обеих проблем? Впрочем, есть и другой вариант. Я могу переехать к тебе!

– Чтобы вас первой прикончили? Нет уж, лучше вашего внука. Кстати, о тахикардии. Раньше тоже так было?

– Раньше он был маленьким мальчиком, а потом очаровательным юношей. А дальше я не видела его много лет, и р-р-раз – взрослый чужой мужчина, который даже не звонил мне! Чего он ожидал? Что я раскрою свои объятия как ни в чем не бывало? Нет уж, у меня больше нет семьи, Люсенька.

– Да вы злопамятная старушка, – одобрила Люся и посторонилась. – Я прям горжусь вами.

Ветров приперся поздно, после девяти. Люся как раз структурировала интервью с антропологом и теперь прикидывала, не переборщила ли она, доказывая, что коркоры не так опасны, как принято считать.

– Бабушка сказала, что ты забрала у нее все мои вещи, – сказал он равнодушно.

Кажется, ему было плевать, где жить.

– Угу, – ответила Люся, захлопывая ноутбук, – буквально вырвала из ее рук твои портки. Докладывай быстрее. Что там с Самойловым? А с моим психологом? Как вообще продвигается расследование?

Ветров посмотрел на нее тяжело и мрачно.

– Самойлов – идиот. Ему предложили денег, и он обрадовался. Забавно, но твои подчиненные, кажется, всегда готовы сделать тебе пакость.

Люся проигнорировала этот выпад.

– Кто предложил?

– Аноним в интернете. Прислал устройство через постамат. Заметь: он точно знал, что под набалдашником полость. Завтра вызовем на допрос изготовителя трости. А вот со вторым вопросом дела куда интереснее. Родственники четырех убитых архов из шести подтвердили, что у жертв был онлайн-психолог.

– Твою мать, – пробормотала Люся, холодея.

Психолог – это была зона безопасности. Человек, которому можно рассказать что угодно. Неизвестный убийца пробил новую брешь в ее броне, снова доказывая, насколько она беззащитна.

– Я иду в душ, – сухо сказал Ветров, – ты пока можешь пореветь. Но потом соберись – мне нужно больше информации, раз уж ты единственный живой свидетель.

Люся пообещала себе, что ни за что реветь не будет.

Ей нужно было за что-то ухватиться, чтобы не потерять опору, и самым простым способом показалась склока с Ветровым. Бодрит по крайней мере.

– А я познакомилась с твоей ладушкой, – протянула она ласково. – Бедняжка! Все еще не утратила надежды вернуть тебя.

Ветрова перекосило.

– И когда ты только все успеваешь, – процедил он и ушел в ванную, шваркнув дверь.

Единственный живой свидетель! Хорошо, что не добавил «пока еще живой».

И Люся метнулась ко входной двери, закрывая ее на все замки.

Глава 10

Когда Ветров вышел из душа, Люся как раз вертела в руках трость, прикидывая, открывается ли у нее набалдашник. Но, кажется, у этой модели таких возможностей не было.

Она на мгновение подняла глаза от янтаря и тут же их опустила. Ну на что там смотреть? Мокрые волосы, унылая футболка, спортивные штаны, непривычно гладкий подбородок – отсутствие щетины ужасно не подходило этой мрачной физиономии.

Ветров подошел, забрал у нее трость, унес в спальню, закрыл туда дверь и вернулся на кухню. И хотя это было очень глупо, Люся разом почувствовала себя спокойнее.

– Не доверяешь Китаеву? – Он скептически посмотрел на мисо-суп, поморщился, взял из фруктовой корзинки банан и принялся намазывать его на кусок хлеба со злаками и семенами.

– Я и сама не знаю, – призналась Люся, с интересом наблюдая за его манипуляциями. – Уж больно Самойлов нагло себя вел под камерами.

– Нормально себя вел, – возразил Ветров и невозмутимо, как будто имел на это право, открыл холодильник. Задумчиво его оглядел и достал арахисовую пасту без сахара. – На самом деле никто не смотрит записи. Если бы не серия убийств, вы бы тоже не посмотрели. Самойлов ведь думал, что благодаря прослушке заказчик просто нарвет на тебя какой-нибудь грязи из личной жизни. Ну не знаю, может, ты любишь секс с навями или что-то в этом роде.

– Фу, – сморщилась Люся.

Трахаться с умертвиями? Что за большая фантазия?

Ветров щедро намазал арахисовую пасту на банан, одобрительно кивнул сам себе, отрезал половину бутерброда и протянул Люсе.

– А что с психологом? – Она опасливо откусила странную смесь.

По крайней мере это было куда сытнее мисо-супа. Оказывается, ей смертельно были нужны быстрые углеводы.

– Тоже, скорее всего, след, который никуда не приведет. – Ветров уселся на стул, вытянул ноги на соседний, и Люсе понадобилось сделать усилие, чтобы не отодвинуться от его голых ступней. – Твоя секретарша нашла психолога в интернете, просто кликнула по первому объявлению в поиске. Мы уточнили – компания «Соломинка» действительно выходит в верхних строках. Это крупная контора психологической помощи онлайн, зарегистрированная в соседнем регионе. Завтра двое моих юнитов отправятся в офис «Соломинки», чтобы поговорить с руководством и сотрудниками. Конкретно же твой психолог сообщил на наш запрос, что физически находится у черта на куличках, в одном из южных городов. К нему я тоже отправлю оперативников, но особых надежд не питаю. Вероятностей две: или наш маньяк взломал базы данных «Соломинки», или подкупил психологов, чтобы те сливали ему инфу по архам. Как и с Самойловым, и с мальчишками-школьниками, это вероятнее всего произошло в интернете. Киберотдел работает, конечно, но с нынешним развитием анонимайзеров пока ничем не может порадовать.

– А что ведомство Китаева?

– А оно перед нами не отчитывается, – усмехнулся Ветров. – Мы у ФСБ на побегушках: допросить тех, проверить этих, видим только фрагменты общей картины.

Приуныв от всей этой безнадеги, Люся перегнулась через него, дотянулась до арахисовой пасты и принялась есть прямо из банки. Как жаль, что Нина Петровна не одобряла запасов мороженого в холодильнике.

– Теперь о тебе, – бесстрастно заметил Ветров, откидываясь на спинку стула и прикрывая глаза. – Сегодня в первой половине дня ты ездила в университет, а потом обедала в кафе «Нет». Заметь, я не прошу тебя спокойно сидеть в редакции и не утруждать моих ребят, но объясни наконец: где ты, черт тебя деря, откопала Веронику?

– В кафе и откопала, – неприязненно ответила Люся, которой не нравилось все: ездить по городу под конвоем и без конвоя тоже. Почему нельзя вернуться в ту приятную жизнь, когда не приходилось таскать за собой видовиков? – Не слишком твои бойцы бдительные – меня в этом кафе сто раз могли прихлопнуть!

– Вероятность того, что это случится в общественном месте, крайне мала, – без всякого выражения уведомил ее Ветров.

– А мне кажется, не бережете вы меня, Павел Викторович. Решили, что новые погоны слишком обременительны?

– Только мысль о новых погонах помогает мне преодолеть все ухабы вашего чудного характера, Людмила Николаевна.

– Вот-вот. Ты не знал, что кафе принадлежит твоей бывшей?

– Я не слежу за ее жизнью.

– Из-за твоего беспутства у девушки атопический дерматит, – буркнула Люся. – А он такой: не слежу!

– Ну здрастье, – сонно обиделся Ветров, – недавно же мне говорила, что каждый сам отвечает за свои косяки. Кто просил эту истеричку использовать приворот?

– А кто тебя просил соблазнять ладую?

– А у нее на лбу не было написано! В клубе все девицы одинаковы. Ну родилась ты ладой, ну не повезло – так сиди дома за прялкой и жди, когда к тебе прискачет чувак на белом коне, которому приперло жениться и плодиться. Нечего шляться по злачным местам в коротких юбках, а потом обижаться, что после секса в туалете перед тобой не падают на одно колено.

– Ну какой же ты мерзкий, – процедила Люся.

– Может, и мерзкий, но быстро обучаемый! После той истории я связывался исключительно с ярилами. Мозг не выносят, а в постели... А, что тебе говорить.

И он встал, зевнул, потянулся и пошлепал в гостиную.

– В смысле? – спросила сама себя Люся. – Почему это со мной нельзя поговорить о сексе? Эй, Ветров! – крикнула она. – Хочешь жить долго и счастливо – полюби Веронику искренне и сильно, а то ее дерматит перейдет на тебя.

– Так не бывает! – крикнул он в ответ.

– Уверен?

И, ухмыльнувшись, Люся тоже пошла спать.

В два часа ночи ее разбудила вибрация телефона.

– Пожар в ночном клубе, – коротко сообщил Носов, – я уже еду туда. Пострадавших вроде нет, но свидетели забросали наш анонимный телеграм-канал сообщениями о навях.

В этот момент за стеной зазвонил мобильник Ветрова.

– Нави? – приглушенно переспросил он.

– Кость, скинь мне геометку, – прошептала Люся.

Из приоткрытой двери было видно, как вспыхнул свет в соседней комнате.

– Да спи уже, – посоветовал Носов, – чего тебе здесь делать?

– Ну интересно же, – пробормотала Люся, отключаясь.

Ветров коротко постучал по косяку, заглянул в темную спальню.

– Люся, я уехал. Закрой дверь и не дергайся.

– Ладно, – кротко согласилась она, едва дождалась, пока за ним хлопнет входная дверь, спрыгнула с постели и бросилась в гардеробную за джинсами.

Нави!

Они были не столь смертоносны и кровожадны, как русалки, поэтому не подлежали немедленной казни. Как правило, неупокоенные мертвецы работали на вредных производствах, куда живые вовсе не рвались, и правительство даже поощряло их трудоустройство. Но

навям было запрещено приближаться к кладбищам, моргам и больницам – из-за их неистребимой тяги к свежей мертвечине. Падальщики, что с них взять.

Поголовье навей было не слишком многочисленным: ими становились самоубийцы, в последние мгновения пожалевшие о своем решении. Именно страх обрасти перьями и превратиться в нечто среднее между зомби и птицей удерживал многих отчаявшихся от последнего шага.

Церковь утверждала, что у навей нет души и что после перехода их всенепременно ждет ад, но святоши и ярилкам с маренами грозили чем-то подобным. Из-за их распутства, конечно.

Выруливая с подземного паркинга, Люся озадачилась: а по ночам за ней тоже следят люди Ветрова или спят в своих кроватках, передавая вахту шефу? Она всю дорогу честно глазела в зеркало заднего вида, но так никого и не обнаружила.

Притормозив довольно далеко от клуба, Люся огляделась. У входа толпились люди, стояли пожарная машина, «скорая», множество полицейских автомобилей. Она подалась вперед, улучшая себе обзор, и посмотрела на высотки напротив. Показалось, что сверху, с одного из общедомовых балконов, этаже так на пятом, мелькнула вспышка фотоаппарата. Носов любил стратегические позиции.

Интуиция – единственное оружие архов ее вида – нашептывала не торопиться и не соваться в самую гущу. Сдав назад, Люся выехала на параллельную улицу, куда должен был вести запасной выход из клуба. Медленно, буквально ползком двигаясь по узкой однополоске, приглушила свет фар, вглядываясь в темноту вокруг. И показалось, что темнота шевельнулась. Перегнувшись назад, Люся приоткрыла заднюю дверь, остановилась и громко сообщила темноте:

– Я вывезу тебя отсюда.

Юркая фигурка скользнула внутрь, потянуло сыростью и холодом, дверь захлопнулась.

Навь распласталась на полу между сиденьями.

Однако Люся не торопилась трогаться с места.

– Не просто так, – сказала она, подвинула себе зеркало и начала красить губы.

– У меня ес-с-сть деньги, – прошипели сзади.

– Плевала я на твои деньги. Мне нужна история. Что здесь случилось?

– Рас-с-скаж-ж-жу.

Удовлетворенно кивнув собственному отражению, Люся засунула помаду в карман, незаметно включив диктофон. Потянулась к бардачку и достала оттуда спецпропуск для прессы, который Великий Морж сделал ей давным-давно. На всякий случай прилепив его на стекло, она наконец тронулась.

– Тебе куда?

– В С-с-сиреневку.

– Как скажешь.

Это за городом. Отлично, будет время поболтать о том о сем.

На перекрестке уже дежурила полицейская машина. Сотрудник дорожной службы сделал знак остановиться, и Люся тихо проговорила:

– Спокойно, ладно? – Открыв окно и широко улыбнувшись, жизнерадостно завопила: – Пресса!

– Послушайте, нам надо проверить...

Люся сунула ему в физиономию телефон с включенной камерой и затараторила:

– Что здесь произошло? Наши зрители имеют право знать правду!

Полицейский отгородился от нее ладонью, начал было ругательство и тут же заткнулся, а потом махнул в сторону светофора.

– Вам нельзя здесь находиться, уезжайте.

– Но наши зрители! Почему полиция вечно все скрывает от людей? Это произвол!

– Никаких комментариев, – рявкнул бедолага и едва не бегом вернулся к своей машине. Хорошее дело – служебные протоколы. С тех пор как рядовым сотрудникам категорически запретили общаться с журналистами, перекинув все коммуникации на пресс-службу, включенной камерой телефона можно было изгнать почти любого стража порядка.

Вывавшись из узкого переулка, Люся замурлыкала детскую песенку себе под нос.

– Ты ж-ж-журналист-с-ст? – спросила навь.

– А кто еще заключил бы с тобой такую странную сделку? Везти нечисть ночью за город – не самое полезное для здоровья занятие. Теоретически ты можешь меня убить и забрать машину себе. Но что ты будешь делать, если напорешься на очередной полицейский пост? Вот-вот объявят план «Перехват».

– Я не буду тебя убивать. Я рас-с-скаж-ж-жу.

– Какая молодец. Что вы делали в клубе?

– Работали.

– Что? – поразилась Люся. – Кем?

– С-с-стриптиз-с-с.

Ветров, сволочь, точно что-то знал об этом! Не зря заговорил сегодня о сексе с навями.

Мир полон извращенцев. Люсю даже передернуло от омерзения.

– Только стриптиз?

– Не только.

– Вот черт. Вы оказывали сексуальные услуги? – уточнила Люся специально под запись, хоть и так все понятно было.

– Оказ-с-сывали, – вздохнула навь.

– Сколько вас было?

– Ш-ш-шес-с-сть.

– Как давно вы там работали?

– Два мес-с-сяц-са.

– Кто вам предложил работу?

– Арт-директор клуба, Ярослав-с-слав С-с-сабунов. Поймал нас-с-с на выходе ис-с химичес-с-ского цеха. С-с-сказал, ш-ш-што от такой работы наш-ш-ша кож-ж-жа вот-вот облезет. Мы с-с-сказали, ш-ш-што плевать, нави долго не ж-ж-живут.

– Лет десять, да? – отозвалась Люся. – Достаточно долго.

– Тогда он предлож-ж-жил нам денег.

– Зачем вам вообще деньги?

– У нас-с-с ос-с-сталис-с с-с-семьи.

Много ли они думали о своих семьях, когда травились и вешались? Люди и нелюди – все одинаково с прибабахом. Любопытно, что бездушные нави заботились о живых родственниках, а вполне одушевленные тупые тетki отказывались от младенцев в роддоме. Иногда Люся ненавидела всех без разбору.

– Сколько вам платили?

Навь ответила.

Получалось довольно щедро. Уж точно выгоднее, чем в химическом цехе.

– И что случилось?

– Мы с-с-стали пропадать.

Возможно, прямо сейчас Люсе захотелось вернуться в свою постель и больше ничего не знать. Но это не точно. Сглотнув, она подумала, какой резонанс вызовет эта история, и дышать стало легче.

– Что значит – пропадать?

– С-с-сначала пропала Галя. Прос-с-сто ис-сщ-сезла без с-с-следа. Ее вещ-щ-щи были на мес-с-сте. Мы подумали, прос-с-сто с-с-сбеж-ж-жала. Потом пропал Ваня. И мы наш-ш-шли перья в мус-с-соре.

– Клиентам позволялось убивать навей?

– Некоторые любили играть с-с-с ос-с-синой. Прищ-щ-щинять боль. Мож-ж-жет, теряли тормоза. Мы с-с-самоубийц-с-сы. Но мы не х-х-хотим умирать.

– Логично, – хмыкнула Люся, больше ничему не удивляясь. – Можешь назвать имена клиентов?

– Нес-с-сколько.

И навь перечислила парочку неизвестных имен и одного владельца бетонного завода. Прелесть какая. Сколько денег ни имей – все равно мало. Надо чуть больше развлечений.

– Что случилось потом?

– Мы х-х-хотели уйти. Не дали.

– И вы устроили пожар?

– Обыщ-щ-щно мы выс-с-ступали на закрытых вечщ-щ-щеринках. Клуб в такие дни закрывалс-с-ся под ос-с-собых клиентов. Но с-с-сегодня – открытая ночщ-щ-щ. Много людей. Реш-ш-шили подж-ж-жечь, да. Удрать в с-с-суматох-х-хе.

– Получилось?

– Не знаю. У меня – да. Других-х-х я потеряла.

– Не хочешь пойти в полицию?

– Неа. У навей нет граж-ж-жданс-с-ских прав. Мы не мож-ж-жем быть потерпевш-ш-шими.

– И что собираешься делать дальше?

– Прос-с-сто быть. У моей с-с-семьи в С-с-сиреневке домик. Люди не отличщ-щ-щают одну навь от другой.

Остаток дороги Люся продолжала задавать вопросы – навь не отличалась особой разговорчивостью, возможно, потому, что обычно никто и не хотел с ней разговаривать.

Высадив ее возле Сиреневки и развернувшись, Люся открыла все окна и с наслаждением втянула носом морозный воздух. В салоне пахло подвалом. Потом остановилась на обочине и скинула аудиозапись Зорину. Вылезла из машины, прошлась туда-сюда, досадуя на то, что забыла трость. Позвонила ворчливому бояну.

– Что? – недовольно спросил Зорин, и не думая здороваться.

– Олечка, у нас супер-пупер-бомбический материал.

– Я догадался, – вздохнул Зорин, – четыре утра.

– Ты же любишь рано вставать! Я скинула тебе интервью с навью-проституткой, которая рассказала о том, что добропорядочные жители нашего города убивают их во время секса.

Долгое молчание ей было ответом.

– Люсь, – наконец отмер Зорин, – где ты берешь такие сюжеты? Ты по ночам спать не пробовала? Это очень просто: закрываешь глаза вечером и открываешь утром. И никаких навей! Никаких проституток!

– Не бухти. Интервью надо расшифровать и состыковать с Носовым. У него должны быть фотки с пожара.

– Еще и пожар?

– Еще и пожар, – согласилась Люся оживленно. – А потом Ветров оторвет нам всем головы, потому что видовики наверняка не хотят огласки. А вот хрен им. Эту песню не задушишь, не убьешь!

– А нам-то за что? Нет, Люсь, ты шеф, на тебя и шишки.

Вот что значит командный дух.

Когда Люся вернулась домой, Нина Петровна уже варила овсянку на воде.

– Люсь, а Люсь, – протянула она, не удивившись такому явлению, – у вас на портале написано, что в клубе «Вишенка» пожар, подробности скоро. Сильно сгорело, не знаешь?

– Полыхнуло от души. А вы что, собрались на танцы?

Нина Петровна помолчала, ловко кромсая ананас на крохотные кубики, и неохотно сказала:

– Витькин клуб-то.

– Какого еще Витьки? – не поняла Люся, медленно соображавшая с недосыпа. – По документам – какой-то Глеб Терентьев.

– Ну да, Глеб. Одноклассник моего Витьки.

И тут Люся едва не села мимо стула, скоординировалась только в последнее мгновение.

– В смысле – ваш Витька? Ветров? Бывший губернатор? Отец Павла?

– Прикупил лет десять назад на сдачу от продажи торгового центра.

– Так... – растерянно произнесла Люся.

Ветров-старший в Москве. Ветров-младший только приехал. Очевидно, клубом занимался этот самый Глеб Терентьев, но насколько отец и сын были посвящены в подробности управления? Судя по ночной оговорке на кухне – всякое может быть.

Доказать причастность Ветровых к «Вишенке» будет сложно, но, наверное, можно. Носов и не такое доказывал.

Вопрос в том, что теперь делать с этой информацией.

Глава 11

Так ни до чего и не додумавшись, Люся прибегла к испытанному средству при всяких невзгодах: просто пошла досыпать. У нее слипались глаза, и было немного совестно перед Ниной Петровной: та ведь ничегошеньки не знала про навей, только про пожар в клубе. Основной материал выпустят через полчаса, не раньше.

Рассказала бы соседка про сына, если бы прочла об убийствах?

Переодевшись снова в пижаму, Люся зашвырнула джинсы и свитер в гардеробную, забралась под одеяло и мрачно подумала, что ни за что не уснет. И вырубилась, едва уткнувшись в подушку.

А проснулась от резкой вспышки головной боли, едва не взорвавшей ее мозг изнутри. Из комнаты будто выпустили весь воздух. Задыхаясь, Люся в ужасе открыла глаза, едва преодолев неистребимое желание спрятаться. Еще мгновение – и исполнился бы самый страшный страх подросткового возраста: она перекинулась бы при посторонних!

Ветров стоял в изголовье кровати, и от него исходили такие густые волны гнева, что Люся едва не заорала. Закашлявшись, прохрипела:

– Меня сейчас вырвет... сам убирать будешь.

Ветров отступил назад так поспешно, что это было бы смешно, не будь ей так плохо.

Едва отдышавшись, Люся с облегчением поняла, что давление вроде снизилось, и яростно зашипела:

– Придурок, контролировать себя надо! Ты хоть понимаешь вообще, что творишь!

– Я тебя посажу, – с ледяной яростью уведомил ее Ветров, – за укрытие преступника. Как ты только додумалась вывезти навь с места преступления? Я уволил того идиота, который не осмотрел твою машину.

До представителя дорожной полиции Люсе не было никакого дела, сам дурак. Сейчас ее интересовали куда более животрепещущие вопросы.

– И какое обвинение предъявлено нави? – спросила быстро.

У Ветрова заходили желваки. Показалось, он мысленно считает до десяти, чтобы успокоиться.

Воспользовавшись паузой, Люся села на кровати со всем возможным достоинством, отвела от лица прилипшие пряди, откинула назад растрепавшуюся косу, разгладила складки на одеяле и проворчала, морщась от остаточной ломоты в висках:

– Мирно спал человек, значит, не надо его беспокоить! Значит, надо дождаться, пока он проснется! А потом вежливо и спокойно поговорить о том о сем. Мне стыдно, что у Нины Петровны такой невоспитанный внук.

– Убью, – меланхолично откликнулся Ветров. – Своими руками, без всякого маньяка.

– Ты интервью читал? Его ведь уже опубликовали?

– Читал, – неприязненно ответил он. – Только оно, девочка моя, ни черта не доказывает. Слово нежити против слов администрации клуба. Догадайся, кому поверит суд. Твои журналисты, между прочим, прекрасно это понимают, поэтому дали дисклеймер, что редакция не владеет достоверной информацией, а просто передает точку зрения одной нави.

– Это они правильно, – согласилась Люся задумчиво. – И что? Вы не нашли в клубе никаких доказательств убийства и проституции? Вы вообще их искали?

– Ты не поверишь, но ищем. Администрация сразу согласилась с тем, что привлекла навей в качестве, – он усмехнулся, – исполнителей экзотических танцев. Законом, между прочим, не запрещено. Но никого из представителей нежити мы в клубе не нашли. Перьев тоже. Правда, мусорный бак на заднем дворе сгорел. Вони было!

– А пожар?

– Предварительное заключение: поджог. Предварительные подозреваемые: нави. Одну из которых ты уперла прямо из-под нашего носа.

– И зачем им поджигать клуб, в котором они были всего лишь исполнителями экзотических танцев?

– От нежити добра не жди, и все в таком роде.

– Да пошли вы все к дьяволу, – угрюмо буркнула Люся, мгновенно просчитав все шансы доказать хоть что-нибудь и мгновенно начертав жирный ноль на метафорической доске. – Тот факт, что клуб принадлежит твоему отцу, тоже не докажешь, да? Вряд ли они оформляли хоть что-то юридически. Если только проследить движение денег, получает же он дивиденды, но тут нужны федералы...

Она настолько погрузилась в свои размышления, что не заметила смазанного движения. Хлоп! – и Ветров уже низко нависал над ней, сверля своими злобными маленькими глазками.

– Эту карту, – процедил он, – тебе ни за что не разыграть.

Ей потребовалась вся сила воли, чтобы не зажмуриться. Опять накатила дурнота.

Вот бы ее стошнило прямо ему в морду! Фонтаном, как в американских низкопробных комедиях.

– Я эту карту придержу, – выдохнула Люся, – до лучших времен.

Не впервые она проигрывала.

За годы работы накопился целый список людей, про чьи незаконные делишки редакция точно знала, но поделаться ничем не могла. Они с Носовым верили, что рано или поздно из этого списка получится вычеркнуть все фамилии.

Ветров снова отступил, отошел на шаг, сел на кровать, свесив длинные руки. Уставился на них с таким видом, будто это было нечто интересное.

– Ты знал? – спросила Люся. – О проституции, об убийствах?

– Я до сих пор не уверен, что твоя навь не выдумала все это.

– У мертвий, знаешь ли, очень плохо развита фантазия. А вообще ты сам во всем виноват!

Он резко вскинул голову и посмотрел на нее с неподдельным сердитым удивлением.

– Да ладно?

– Где была твоя охрана? Женщина, за которой охотится маньяк, преспокойно разъезжает ночью по всяким значным местам, а никто и в ус не дуется. А если бы меня убили?

– Да, хорошо было бы, – мечтательно кивнул он. – Если хочешь знать, ты разминулась с моими ребятами минуты на три. Никто не ожидал от тебя такой прыти, а платить за ночные бдения весьма накладно.

– Ты на мне сэкономишь? – возмутилась Люся, мигом припомнив его слова, что у системы нет ресурсов на ее охрану, зато они есть у Ветрова. Мысль о том, что грязные деньги бывшего губернатора наконец-то пошли на благое дело, приободрила.

– Я все время спрашиваю себя: и зачем мне вообще это чертово повышение?

– Ну-ну, не огорчайся. Может, я все-таки докажу твою причастность к управлению клубом, и тогда тебя просто вышибут из органов. – Люся сползла с кровати, посмотрела на телефон: десять утра и куча звонков и сообщений. – Мне пора в редакцию, а тебе – искать следы убийства навей. Если только ты сам не был в деле, ведь о патологической жадности маренов ходят легенды, как и о вашей похотливости. Кто знает, может, тебе наскучили ярилки. Захотелось погорячее.

– Да пошла ты!

– Сам иди.

На том и порешили.

Печальный Носов лежал на диване в ее кабинете и смотрел в потолок.

– И что?

– И все.

На Люсю тоже напала апатия. Иногда ее накрывало бессмысленностью бытия.

В студенчестве она мечтала изменить этот мир к лучшему, но мир упорно становился только хуже, а она просто регулярно макалась в дерьмо без всякого толку.

– Может, поболтаться по городу? – предложил Носов. – Поговорить с другими навями? Они стайные, держатся вместе. Кто-то что-то слышал, кто-то что-то видел...

– Нави не верят в человеческое правосудие, – напомнила Люся. – И правильно, в общем, делают.

Она подумала, достала из шкафа пузатую бутылку виски, стаканы. Подошла к дивану, села, задвинув Носова бедром к спинке, разлила алкоголь.

– А если позвонить Китаеву?

– И что именно мы от него хотим? Доказать причастность Ветрова-старшего к клубу? И дальше что? Репутации заведения, конечно, каюк, но состава преступления как не было, так и нет.

Они выпили, не чокаясь.

– Опросить сотрудников клуба? – спросил Носов, который переживал поражения еще хуже Люси.

– Клуб опечатан, контактов у нас нет, а сотрудники сейчас попрячутся по норам.

Они оба понимали, что только видовики могли что-то нарыть, но вряд ли станут это делать, учитывая обстоятельства.

– А какие вообще у Ветровых отношения? – поинтересовался Костик.

Они синхронизировались и мыслили в одном направлении.

– Хрен их знает, но папаша лишился должности, отмазывая сына от тюрьмы. Вряд ли в Ветрове-младшем проснется Павлик Морозов.

– Вряд ли, – со вздохом согласился Носов.

Что-то возмущенно заговорила Ольга в приемной, дверь распахнулась, вошел Ветров – легок на помине. Притворил за собой, окинул взглядом открывшуюся картину, хмыкнул:

– Предаетесь моральному разложению?

– Скорбим, Павел Викторович, – поправила его Люся.

– Собирайтесь, Людмила Николаевна. Отвезете меня к навии, которую вы скрыли от правосудия.

Люся не пошевелилась.

– Зачем?

– Найдем и перепрячем. Пляшите, господа писаки, кажется, мы нарыли доказательства.

Вот теперь Люся ожила. Вся натянувшись от напряжения, выпрямив спину, подалась вперед.

– Какие?

– Один из тамошних бомжей неделю назад нашел перья в мусорном баке. И на всякий случай припрятал несколько. Говорит, хотел загнать на черном рынке, – оказывается, есть ценители. Признаться, я жил куда счастливее, пока не сделал для себя столько открытий, связанных с навями.

– Да! – закричала Люся и полезла к Носову целоваться.

Он ловко увильнул, но потрепал ее по голове, как щенка.

Нави существовали недолго: спустя примерно десять лет рассыпались в пыль сами собой. Но если уничтожить их осиной, оставалась кучка почерневших перьев. Перья всегда, при любом раскладе, были признаком насильственного истребления.

– А можно как-то ускориться? – поторопил Ветров. – Судя по дорожным камерам, на которые ночью попала твоя машина, ехать нам за город.

– Можно, – согласилась Люся и встала, но за курткой не спешила.

Кто его знает? Вдруг он просто ухлопает навь как единственного свидетеля? А с другой стороны, навь все равно никто не поверит, так что вроде она никому пока не мешает.

– Поехали уже, – раздраженно прошипел Ветров.

Люся переглянулась с Носовым. Тот пожал плечами и ни с того ни с сего брякнул:

– Глеб Жеглов тоже был мареном.

Фига се у него аргументация!

– Поехали, – решила.

Люся устроилась сзади, не желая находиться к Ветрову слишком близко. Он никак не прокомментировал это, махнул рукой охране и сел за руль.

Охрана за ними не поехала. Это плохо или хорошо? Вдруг Люся все-таки довела Ветрова до ручки и он прикопает ее в ближайшем лесочке?

Но интуиция не предвещала опасности, и Люся решила довериться судьбе.

– Не думай слишком много, – посоветовал Ветров, – я собираюсь создать прецедент и предоставить навь в качестве свидетеля. Войду в анналы судебной практики – вдруг тебя все-таки убьют и повышение накроется медным тазом. Слава меня утешит.

– А твой отец?

– А при чем тут отец? Он в Москве, а Терентьев сядет.

– Кто? А, номинальный владелец. Вряд ли ему дадут очень много – навь считаются неодушевленными. Вы ему заплатите, чтобы он промолчал о ваших финансовых схемах, и из тюрьмы выйдет богатый человек. Обычное дело.

– Люсь, – устало сказал Ветров, – отец не был в городе десять лет, а Терентьев примерно столько же никуда не уезжал. Не думаю, что они обсуждали подобные дела дистанционно, не идиоты же. Так что придержишься версии, что затея с навьями – частная инициатива Терентьева.

– Ты кого сейчас убеждаешь?

– Мы перетрясем всю бухгалтерию клуба, посмотрим, куда были заныканы доходы с навей. Наверняка это недешево стоило. Допросим клиентов. С перьями у меня есть повод для возбуждения уголовного дела, руки будут развязаны.

– А! – обрадовалась она. – Вот чего ты так возбудился! Неучтенные доходы! Почувствовал себя обокраденным?

В ответ он просто сделал музыку погромче.

Навь они нашли там же, где Люся ее оставила, – в Сиреневке. Небольшой дачный поселок был пуст, и выбрать единственный домик, откуда шел дым, не составило труда. Навь выслушала их спокойно и так же спокойно сразу на все согласилась – и дать показания, и поселиться в однушке, предложенной Ветровым. Ей, кажется, было все равно.

Назад Люся возвращалась опять на заднем сиденье: уж лучше сидеть бок о бок с умертвим, чем с Ветровым.

В редакции она привычно накатала жалобу в прокуратуру о неучтенных доходах в клубе «Вишенка» и традиционно поставила тайминг на семь утра. В конце концов, главный прокурор ценит традиции. Подумав, закинула копии в налоговую и в отдел по борьбе с экономическими преступлениями. Авось кто-нибудь что-нибудь накопает. В служебное рвение Ветрова в этом деле Люся верила слабо, хотя он и не поленился опросить бомжей.

Под вечер к ней заглянул совершенно довольный Носов и радостно сообщил:

– Шеф, нам опять угрожают! Вернее, еще нет, но вот-вот начнут!

– Кто на этот раз?

– Горелов, владелец бетонного завода.

Люся так и не успела прочесть публикацию про навь, поэтому немедленно всполошилась:

– Вы что, указали фамилии клиентов?

– Нет, просто написали, что среди них есть представители крупного бизнеса. И теперь Горелов требует срочной встречи на его территории.

– А почему сразу угрожать? Может, он нас покупать будет.

– Ну, не знаю. Вот мы к нему припремся, а он нам паяльником в...

– Давай без эротических фантазий. – Люся поморщилась. – Для чего ему так подставляться? Я бы на его месте сидела тихо и не отвечивала.

– Занервничал? Психанул? Решил по-быстрому все порешать?

– Господи, ну откуда берутся все эти непуганые идиоты, которые угрожают журналистам? – подивилась Люся. – И ведь никак не заканчиваются! Поедем на моей машине – у меня сертифицированный хвост. По крайней мере будут знать, где нас искать. Слушай, бетонный завод – это так аутентично, как в боевике про мафию.

Носов заржал и побежал готовиться.

Глава 12

Прежде чем отправляться на встречу, зануда Носов заставил Люсю подышать в алкотестер, убедился, что обеденный вискарь уже выветрился, и замурлыкал себе под нос, упаковывая аппаратуру по кофрам. Как и все киморы, он обожал ссоры и свары, и предстоящий разговор вдохновлял его и бодрил.

Для Люси это было скорее неприятной рутинной частью работы, которую приходилось делать вопреки желанию вернуться домой и залечь в горячей ванне с пеной.

Но дома теперь ошивался Ветров, вечный источник напряжения, и не найти ей было покоя.

Хотя антураж бетонного завода и добавлял некой пикантности встрече, на деле Люся не ожидала ничего выдающегося. Они с Носовым давно взяли за правило не уклоняться от скандалистов, а разговаривать, памятуя о том, что лучше знать о чужих намерениях, чем их игнорировать.

Горелов ходит немного кругами, прощупает почву, пригрозит юристами или уголовниками – как пойдет, предложит денег или не предложит, и станет понятно, чего он стоит и чего от него ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.